

Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сербию.

(С предисловием и послесловием С. Е.)

В настоящем году исполнилось столетие со времени при-соединения Крыма к России. Это событие имело большое значение для русского государства, которое только с присоединением Крыма могло считать себя единственным и бесспорным хозяином земель, составляющих нынешнюю Новороссию. История Новороссии это история постепенной колонизации земель южной части Черноморского бассейна. Сто лет тому назад земли эти представляли собой необозримое степное пространство, орошенное широкими реками, мало населенное и бывшее постоянно спорным пунктом для притязаний соседних государств. Северная часть его была занята «вольностями запорожскими», южная часть— Крымский полуостров и прилегающее к нему побережье Черного моря — принадлежали крымским татарам, а между крымскими и запорожскими владениями тянулись широкая степная равнина, где кочевали различные ногайские орды. — «Запорожскими вольностями» назывались земли «войска или товариства запорожского», которое было одной из самостоятельных ветвей русского козачества. Начало козачества относится еще к XIV веку. Козаками называли себя выходцы из русских областей, которые селились в южных степях после татарских нашествий.

Татарские нашествия, непосредственным следствием которых было разорение русских земель, имели еще и другое более важное значение для внутренней жизни этих земель. Татарский погром служит поворотным пунктом, с которого начинается упадок федеративного строя и собиране русских земель около 2-х центров: на северо-востоке слагается московское государство, на юго-западе литовско-русское, которое впоследствии соединяется в одно целое с Польшею.

Боязнь татарских набегов и те гнетущия условия жизни, которые вырабатывались при новом строе обоих государств заставляли жителей их искать, где лучше, и целыя толпы беглецов селились на берегах степных рек. Из московского государства бежали на Дон, на Волгу, на Яик (Урал); из польско-литовского на Днепр.

Вольная, но полная опасностей жизнь требовала постоянно держаться на стороже от соседей — врагов, сначала татар, а потом татар и турок, которые обнаруживали постоянныя притязания на эти земли.

На Днепре за порогами сложилась самостоятельная козацкая община, выступающая на историческую сцену около половины: XVI века. Эта община служила в течении веков верным оплотом сначала польской, а потом польской и русской Украины от южных соседей. Запорожские козаки не могли ограничиваться оборонительной войной против татар; чувство мести, жажда подвига вызывали войну наступательную. За набег она платили набегом, за разорение разорением. Они не редко спускались по Днепру на своих «чайках» в море, нападали на турецкие города и освобождали христианских невольников.

Запорожская община, бывшая свободным отпрыском украинского народа, воплощала в своей внутренней жизни его идеалы и стремления. Значение ее особенно усилилось с тех пор, как в польской Украине начались козацкия возстания, вызванныя гнетущими политическими, экономическими и религиозными условиями жизни. В эпоху козацких возстаний 1582 —1638 г. (от Косинского до Гуни и Острианицы) Запорожье становится центром движения и верным убежищем всех, кто бежал сюда из Украины.

В это время Запорожския владения расширяются и заселяются на большом пространстве.

После временного тяжелого затишья в покоренной Украине, Запорожье во время войн Богдана Хмельницкого, кончившихся присоединением Малороссии к России 1654 г., является самостоятельным союзником остального малорусского козачества и оказывает ему большие услуги. Наступила затем смутная пора для Украины, когда эта намученная страна, стесненная 3-мя грозными соседними государствами—Россией, Турцией и Польшей, отчаявшись в возможности самостоятельного существования, колебалась в выборе подданства; эта смутная пора отразилась и в жизни Запорожья; мы видим, что оно, как независимая единица, ведет сношения то с Польшей, то с Турцией, то с Россией. Подобно всей Украине, Запорожье пришло к тому-же роковому исходу, хотя несколько позже: оно подчинилось России в 1734 г. Русское государство было заинтересовано в запорожском войске, в котором оно видело незаменимый оплот против турецкого соседства, и потому, считаясь подданными России, запорожцы долго сохраняли независимость в внутреннем устройстве своих владений. Но с постепенным расширением границ и с развитием централизации огромного государства, которое чувствовало себя все более крепким,—свободный строй запорожской общины все больше звучал диссонансом.

В XVIII веке русское правительство усиливает колонизационную деятельность в южных пределах государства и устраивает ряд сербских и русских слободских поселений. Из колоний выселившихся в России сербов оно образует ново-сербские поселения или Новую Сербию, для защиты которых, близ южной границы их, возведена крепость св. Елизаветы, теперешний Елисаветград, находившаяся под управлением особого командира.

Эти новые поселения примыкали непосредственно к запорожским землям и между соседями происходила постоянная порубежная пререкания.

«Запорожские вольности» в это время образовали как-бы военное государство, столицей которой была Сечь—местопребывание запорожского товариства. Она находилась в этот период Запорожья при р. Подпольной, притоке Днепра.

Запорожское товариство—было военной общиной, члены которой, посвятив всю жизнь свою борьбе с врагами, отказывались от семьи и хранили обет безбрачия.

Вступление в запорожскую общину было свободное: вступал, кто хотел; от нового товарища требовались лишь два условия: 1) чтоб он был без семейный и 2) православный. Только члены запорожского товариства, пребывавшие в Сечи, могли быть избираемы в должностные лица на общей раде или вече, ежегодно собиравшемся в Сечи. Все земли запорожские делились на несколько военных округов, которых в описываемый период было 5; они назывались паланками и имели наблюдательные посты для охраны границ. Все население «Вольностей Запорожских», не принадлежавшее к товариству, но образовавшееся тоже из вольных поселенцев, оседлое и домовитое, носило название подданства войска запорожского и управлялось выборными громадскими атаманами. «Запорожские Вольности» занимали в этот период то обширное пространство земель, которое составляет теперь губернии екатеринославскую и херсонскую за исключением уездов одесского, тираспольского и ананьевского. Границы их были—на северо-запад: ново-сербские, слободские поселения (по р. Синюхе, затем по ее притоку Черному Ташлыку граница шла несколько на юго-восток к Ингулу, оттуда снова подымалась к северо-востоку к верхней Самоткани, впадающей в Днепр), на северо-восток были земли слободских полков (от Переволочной до Бахмута по Орели и Сев. Донцу), затем на восток, вдоль левого берега р. Кальмиуса, по направлению течения его до Азовского моря, земли донских казаков, на юге от устья Берды до устья Конских вод в Днепр—земли джамбулцкой ногайской орды, на юго-запад, от впадения Буга в днепровский лиман, по р. Бугу до бугского запорожского гарда или оборонительного поста—земли едисанской ногайской орды, а от гарда до р. Синюхи и отсюда по всей западной украинской границе—воеводства польские¹.

Кроме пограничных с запорожскими владениями земель джамбулцкой (в северной части нынешней таврической губернии) и едисанской (в южном уезде нынешней херсонской губернии), еще были две значительные ногайские орды, кочевавшие: одна в кубанских степях, другая — в нынешней Бессарабии. Все эти 4 большие орды распались на меньшие. Ногайские орды были остатками когда-то могущественного золотоординского ханства. После распада золотой орды они набрали местом кочевания южные степи и признали над собой власть крымских ханов.

Не с одними татарами вели пререкания запорожцы за нарушение границ. Постоянные порубежные споры возникали у них и на северо-западной границе, с новосербскими поселенцами. Запорожцы постоянно жаловались русскому правительству на неправомерный захват земель, искони им принадлежащих, а теперь отнимаемых русскими поселенцами. Русское правительство требовало от запорожцев письменных документов на право владения этими землями и запорожцы посылали в сенат грамоты, выданные им польскими королями и русскими государями. Сенат оставлял грамоты у себя, а взамен выдавал им копии; ссылаясь опять на документальные доказательства, им отвечали, что копии—не доказательства, а подлинных документов в сенате не имеется². Запорожцам все труднее было отстаивать неприкосновенность своих границ от притязаний той русской колонизации, которая с каждым днем все ближе и ближе стягивалась вокруг «запорожских Вольностей», пока наконец в 1775-м г. «запорожская Сечь» была уничтожена и запорожская община навсегда прекратила свое независимое существование. Но еще до этого печального конца запорожцам пришлось играть видную роль в войнах России с Турцией, ознаменовавших собой царствования Екатерины II-й, и только когда минула опасность со стороны этого исконного врага, признано было возможным уничтожить исконного защитника.

Все эти предварительные замечания мне казались необходимыми для того, чтобы окинуть хоть беглым взглядом ту территорию, которой суждено было целые века подвергаться опустошениям и набегам, быть свидетельницей долгой кровавой борьбы, территорию, на степях которой, политых кровью, из смеси разнородных элементов сложилась своеобразная жизнь.

Один из эпизодов этой борьбы рассказан в «Memoires du baron de Tott» и относится к русско-турецкой войне 1769 г. Описывая в качестве очевидца, шаг за шагом, поход Крым-Гирея, указывая местности, которые проходило войско и где оно останавливалось, бар. Тотт тем самым косвенно дает сведения о границах и размере колонизации в запорожских землях в то время.

Во 2-й половине XVIII-го в. политические события спутались в такую драматическую коллизию, которая окончилась гибелью одного из действующих лиц этой исторической драмы—именно распадом Польши. Терзаемая внутренними раздорами, эта страна тщетно искала спасительного исхода, и хваталась за все возможные средства, чтобы найти союзников в своей последней борьбе. Члены барской конфедерации, пытались отстаивать самостоятельное существование польского государства, и лично, и посредством эмиссаров вели агитацию в пользу своего дела, и им удалось обеспечить себе помощь со стороны Франции и Турции против притязаний России, которая довела свое вмешательство в дела Польши до крайней степени.

Турция в это время владела не только землями на Балканском полуострове, но и землями крымских и ногайских татар, считавшихся ее подданными, с тех пор, как Магомет II, вмешавшись в борьбу крымцев с генуэзцами, водворившими было свое господство в Крыму, изгнал последних и освободив из плена хана Менгли-Гирея, заключил с ним договор, по которому все татарские владения были признаны подвластными Турции. Все считавшиеся потомками Чингис-хана были облечены достоинством турецких вассалов и получили в ленное владение земли Румелии. Татарский хан постоянно выбирался из этой фамилии и утверждался на престоле согласием султана. Из потомков Чингис-хана-же, а также из 5 древнейших знатных родов выбирались все представители высшей татарской администрации. Главными должностными лицами у татар были: «калга», обязанности которого заключались в том, что он командовал всей армией, если хан не мог участвовать в походе, занимал ханский престол с титулом каймакана во время отсутствия хана или по смерти одного до выбора другого и, вообще, был вторым после хана лицом в государстве; другая должность—«нурадина» состояла в том, что он был ближайшим помощником хана, но не с меньшим значением, чем калга; третьим важным лицом был «ордой», под ведомством которого находилась перекопская крепость, с ее округом, т. е. ключ к Крыму. Хан и нурадин жили в Бахчисарае, калга в Ахмечети, ордой в Перекопе. Ногайские орды во внутренних своих делах управлялись своими мирзами, администрация-же турецко-татарская над ними имела своего представителя в лице сераскира-паши для каждой из ногайских орд.

Громадная и никогда грозная Турция пережила дни своей славы: в ней уже начиналось то внутреннее разложение, которое является неизбежным следствием деспотического строя и связанной с ним деморализации народа.

Таковы были два противника России во второй половине XVIII-го в. Польша и Турция. Третий союзник их Франция была более далекой и менее активной: она действовала больше путем дипломатии и помогала польским конфедератам советами и деньгами. Во Франции это было время Людовика XV-го и герцога Шуазеля. Поводом к началу русско-турецкой войны 1769—1774 г. послужило следующее обстоятельство. На границе турецких владений и Польши, по обоим берегам р. Кодымы, лежало местечко Балта, одна часть которого Юзефград считалась польской, а другая собственно, Балта, турецкой. Осенью 1768 г. русские войска, увлеченные преследованием польских конфедератов, нарушили границу, разоривши заодно с польской и турецкую часть Балты. Турция объявила это нарушением мирных отношений, русский резидент Обрезков был заключен в Семибашенный замок и война началась.

Крым со своими владениями и Запорожье были одинаково интересны для обеих воюющих сторон, который и делали попытки склонить эти земли к союзу. Так, Крым-Гирей, провозглашенный ханом в 1768-м г., спешит войти в сношения с Запорожьем и в октябре того-же года посылает Кошевому грамоту с предложением возвратит запорожцам купцов и чумаков, захваченных раньше в плен татарами, с тем условием, что-бы Запорожье с своей стороны возвратило пленных; при этом хан уверяет запорожское войско в своем благосклонном расположении. Запорожцы приняли ханское предложение и покончивши свою сделку с Крым-Гиреем, написали об этом киевскому генерал-губернатору Воейкову, который послал донесение в Петербург. Не смотря на то, что такая независимость сношений со стороны запорожцев не могла быть по сердцу русскому правительству, оно не сочло возможным делать выговор запорожскому войску и послало в Сечь милостивую грамоту, в которой выражало похвалу запорожцам и уверенность в преданности их русскому государству.

С своей стороны Россия пыталась отвлечь крымских татар от Турции, представляя им в перспективе — независимость крымского ханства. Письмо Екатерины к гр. Панину, писанное уже 16-го октября 1769 г. развивает этот план. «Письмо в Крым удобнее всего отправить через татарских пленников», писала Екатерина. «Ежели крымские начальники к вам не отзовутся, в таком случае остается возбудить сообщая в татарах внимание через разсеяние копий с письма по разным местам, чем по малой мере разврат в татарах от разномыслия произойти может». Очевидно, обе стороны, действуя в личных интересах, не жалели радужных красок для своих обещаний.

Когда объявлена была война России, турецкий султан низложил хана Максуд-Гирея и возвел на крымский престол Крым-Гирея, знаменитого хана, имя которого живет в татарских легендах. Крым-Гирей, собравши в 1758 г. ногайские орды под своим предводительством, с их помощью достиг престола и заставил султана признать совершившийся факт. Но впоследствии, воспользовавшись одним неудачным его походом, султан свергнул его с престола и Крым-Гирей содержался в заключении, пока предстоящая война не напомнила о нем. Благодаря своей громкой военной славе и разрушительным талантам, Крым-Гирей был восстановлен на престоле ханском, и ему было поручено, не теряя времени, вторгнуться в южные области России и разорить их до тла внезапным и быстрым набегом.

Барон-де-Тотт, бывший в это время французским резидентом при крымском дворе, описал в своих «Memoires sur les Turcs et les Tartares» событие; находясь неотлучно при хане он был участником похода и свидетелем всех его подробностей. Так как рассказ о набеге этом, охватившем собой часть нынешнего Новороссийского края, может служить иллюстрацией тех отношений, которые веками сложились между враждебными соседями, и сверх того «мемуары» барона Тотта не переведены на русский язык, то я считаю уместным предложить здесь перевод той части этих мемуаров, которая заключает в себе рассказ о татарском набеге 1769 г., об этом по словам Соловьева, «последнем татарском нашествии», — рассказ, не лишенный некоторых интересных исторических и бытовых данных.

Барон де-Тотт был родом из Венгрии. Отец его был в числе эмигрантов, которые покинув Венгрию с кн. Ракоци, нашли приют в турецком г. Родосто, назначенном для их местопребывания султаном. Барон Тотт—отец в 1717 г. поступил во французскую службу, обязанности которой доставляли ему частые случаи видаться с своими соотечественниками, среди которых он и умер в 1757-м году в г. Родосто. Барон Тотт, автор мемуаров, не сообщает никаких сведений о своей деятельности до 1755 г., когда он был отправлен французским правительством, вместе с консулом г. де-Верженем, в

Константинополе для изучения турецкого языка и знакомства со страной. Пробывши в Турции до 1763 г., барон Тотт возвратился во Францию, ища себе более активной деятельности. Он надеялся получить назначение при посольстве где-нибудь в Германии, но по собственным его словам, «иностранные происхождение, отсутствие протекции и 8 лет проведенных в Константинополе не обещали ему большего успеха в Версали, при сменявшемся министерстве, во главе которого стоял Шуазель. Барон де Тотт, благодаря своему знанию турецкого языка и обычаев, был назначен резидентом при дворе крымского хана и в 1767-м году снова выехал из Франции. Он пробыл в Крыму почти 3 года, участвовал в упомянутом выше нашествии Крым-Гирея и по смерти последнего в 1769-м году отправился в Константинополь. Там он пережил все перипетии русско-турецкой войны и затем, считая себя достаточно знакомым с нравами и общественным строем турецкой жизни в ее столице, отправился на восток для знакомства с более отдаленными провинциями оттоманской империи. Он посетил сев. Африку, Египет, острова Архипелага, Малую Азию, Сирию и Аравию и затем возвратившись во Францию, издал в 1785-м году свои мемуары. Они состоят из 4-х частей. Первая содержит рассказ о первом пребывании барона Тотта в Турции; вторая—заключает в себе путешествие барона в Крым, наблюдения его над жизнью татар и рассказ о походе на русские области; 3-я—вторичное пребывание в Турции и 4 — поездку на восток.

Личность автора тесно связана с его трудом: все, что он описывает, он сам видел, пережил и передает свои впечатления читателю. «Мемуары» поэтому довольно хорошо знакомят нас с личностью их автора. Он был человек, очевидно, образованный, наблюдательный и склонный к философским обобщениям явлений природы и жизни человеческой, хотя иногда и поверхностным. Ловкий придворный, веселый, остроумный собеседник и безвредный политик, барон де-Тотт умел быть приятным и жить в полном ладу со всеми, с кем сводила его судьба. Всегда находчивый в разных житейских случайностях, он нередко оказывал другим услуги, значение которых сам сознает и очень часто не прочь преувеличить.

Барон де-Тотт с симпатией относится к татарам и не смотря на многие недостатки их, находит и много здоровых задатков в их общественном организме. Это симпатичное отношение к татарам выступает особенно ясно при сравнении их с турками, к которым он относится крайне критически. В предисловии к своим мемуарам барон Тотт высказывает мнение, что нравы и общественный строй складываются не только под действием тех или других условий природы на человека, но и под влиянием чисто индивидуальных особенностей, присущих каждому народу и указывает на тот факт, что одноплеменные народы, поселившись в разных местностях, разделенные друг от друга громадными расстояниями, сохраняют и в новых условиях жизни свои типические черты. Исходя из этого убеждения, он находит в общественном строе турецкого государства неизлечимые недостатки, причины которых коренятся в нравах и обычаях турок и развитию которых с своей стороны способствует необузданный деспотизм.

Согласно заглавию своему «Мемуары» и повествуют исключительно о жизни турок и татар; те сведения, которые барон Тотт сообщает о положении юга России в то время, являются случайными и скудными; они имеют цену главным образом потому, что русская литература очень небогата данными о нынешнем новороссийском крае, а мемуары барона Тотта хотя отчасти способствуют пополнению этого пробела.

Балтское дело побудило султана развернуть знамя Магомета: русский резидент был заключен в Семибашенный замок, а восстановленный на троне татарский хан Крым-Гирей позван в Константинополь, чтобы там совместно с его высочеством обсудить первые военные меры. Эти новости получены были в Бахчисарай одновременно с отрешением от престола Максуд-Гирея. Тот-же посланный привез распоряжения нового хана об утверждении в должности Каймакана и о назначении общего торжественного собрания в Каушанах в Бессарабии. Я поторопился отправиться туда и намеревался выехать к Дунаю на встречу Крым-Гирею; но в это время новый посланный хана передал мне от его имени, что хан избавлял меня от этой формальности, ограничивая мое участие в церемониале обязанностью сопровождать его при въезде в город. К этому присоединилось уверение в благосклонности и предложение позаботиться об ужине в день его приезда.

Начало показалось мне очень любезным, но ужин меня обезпокоил и я постарался получить на этот счет некоторую разъяснения от посланца, что оказалось не трудно. Это было доверенное лицо. «Наш

господин любит рыбу», сказал он мне; «он знает, что ваш повар готовится ее хорошо; тогда как его повара приправляют соус одной водой». С меня было достаточно, чтобы знать вкус хана, и я распорядился, чтобы лучшая рыба из Днестра была приготовлена в превосходно вине. Хан должен был въехать в город на другой день. Я выехал верхом на встречу за два лье от города. Его сопровождала многочисленная свита и прием, который он мне оказал, соответствовал вполне предыдущим знакам благосклонности.

Крым-Гирею было около 60 лет; он отличался представительным ростом, благородной осанкой, непринужденными манерами, величественной фигурой, живым взглядом и способностью принимать по желанию вид кроткой доброты или внушительной строгости. По случаю войны за ним следовало очень значительное число членов султанской (ханской) семьи, из которых 7 были его сыновья. Мое внимание обратили особенно на второго из них, юное мужество которого горело желанием отличиться. Постоянным упражнением своих сил он достиг того, что без труда мог натягивать два лука одновременно; он занимался этим искусством с детства. Когда ему едва минуло девять лет, отец, желая уколоть его самолюбие, сказал как-то с презрительным видом мальчику, что прядка больше соответствовала-бы такому трусу. «Я трус?» отвечал мальчик, бледнея; «я никого не боюсь, даже вас», и с этими словами он спустил стрелу, которая, к счастью, попала в панель, войдя вглубь на два пальца. Если подобная вспыльчивость соединяется с обычной кротостью и высоким сыновним уважением, то конечно эту вспышку нельзя приписать ни чему иному, как чрезмерной щекотливости чувства чести.

Все, что необходимо было для въезда и водворения хана, ожидало его у ворот города; он остановился здесь на минуту, чтобы одеться в палатке, нарочно раскинутой для того. В шляпе, украшенной двумя плюмажами, усеянными алмазами, с луком и колчаном через плечо, предшествуемый гвардией и многими лошадьми, которых холки были украшены плюмажами, сопровождаемый знаменем пророка и всем своим двором, хан въехал в город и направился во дворец; там, в зале Дивана, сидя на троне, он принимал знаки покорности от всех вельмож.

Эта церемония длилась до ужина, заказанного мною и поданного моим поваром. Повара хана, предупрежденные об этой конкуренции, приложили все свое старание; но оно не могло бороться с винными соусами. Десерт имел не меньший успех и благодаря превосходству французской кухни, я получил преимущество поставлять хану ежедневно 12 блюд к каждому его столу.

Крым-Гирей имел слабость не только к хорошему столу: все удовольствия пользовались у него правом гражданства. Значительный оркестр, труппа комедиантов и гаеров состояла у него на жалованьи; эти разнообразные удовольствия наполняли его вечера; среди них он отдыхал от политических дел и военных приготовлений, которыми был занят в течение дня.

Деятельная натура хана попевала всюду; она делала его таким-же требовательным относительно других, и я смею сказать, что он, казалось, был доволен мною. Я пользовался его доверием, принимал участие в его удовольствиях; особенно занимала меня интересная и разнообразная картина, которую представлял из себя двор.

Каушаны стали центром Татарии: отсюда исходили все распоряжения, сюда стекались со всех сторон; толпа придворных увеличивалась с каждым днем; новые министры, которых я знал в Крыму, заметив особую благосклонность хана ко мне, избрали меня ходатаем об одной милости, которой они не решались просить у него. Опыт его первого царствования показал им, как необходимо было удержать первое проявление жестокости: сначала оно было противно натуре хана, но после первого шага можно было опасаться, что он уже не остановится. Несчастный татарин, уличенный в нарушении некоторых слишком строгих правил, был приговорен ханом к смерти. Его готовились вести на казнь в тот момент, когда я прибыл во дворец. Несколько султанов окружили меня, объяснили, в чем дело, и просили предохранить татарский народ от последствий этого факта. Я вошел к Крым-Гирею; он был еще взволнован тем усилием над собой, которого стоил произнесенный им приговор. Я приблизился к нему и наклонившись, чтобы поцеловать его руку, чего я никогда не делал раньше, удержал ее в своей руке, несмотря на движение, которым он хотел освободиться.

— Чего вы хотите?—спросил он меня с некоторой строгостью.

— Милости виновному, — отвечал я.

— Какое участие, возразил он, можете вы принимать в этом несчастном?

— Никакого, сказал я; человек, который вас ослушался, не может возбуждать моего участия: о вас одном забочусь я теперь. Став-ши слишком строгим на один момент, вы могли-бы сделаться вскоре жестоким; а вам незачем переставать быть добрым, чтобы внушать постоянно и страх, и уважение. Он улыбнулся, дал мне поцеловать свою руку и объявил от его имени оказанную мне милость.

Радость, возбужденная этим известием, была поддержана новой турецкой комедией, довольно шуточного рода. Крым-Гирей во время представления предлагал мне много вопросов на счет комедии Мольера, о котором он много слышал: все, что я рассказал, о благо-пристойности, соблюдаемой на наших сценах, внушило ему отвращение к шутовским выходкам, к которым прибегают еще турки. Он почувствовал преимущество Тартюффа пред Пурсоньяком, но не мог никак допустить, чтобы общество, где законы твердо и неизменно определили положение разных сословий, могло дать сюжет *Bourgeois-Gentilhomme*. Я предпочел оставить его в уверенности, что Мольер не прав, чем оправдывать поэта, представляя картину нашей общественной безурядицы. «Но если никто, сказал хан, не может обмануть другого насчет своего происхождения, то легко обморочить насчет характера. Все страны имеют своих тартюффов, есть они и среди татар, и я-бы очень желал, чтобы вы мне доставили перевод этой пьесы».

В то время, когда наше воображение было занято такими мир-ными проектами, посланный от польских конфедератов прибыл в Каушаны, чтобы рассчитать с ханом открытие кампании. Хан обещал султану начать с набега на Новую Сербию, от которого могла пострадать и польская Украина; это обстоятельство требовало некоторых предварительных переговоров, для которых полномочия польского посланника оказались недостаточными. Между тем время не терпело и Крым-Гирей пожелал, чтобы я отправился к Хотину, чтобы заключить переговоры с шефами конфедерации, которые там приютились. Но как ни лестно было для меня доверие хана, я не считал возможным принять это поручение на себя одного. Мне тот-час назначен был коллега-татарин, облеченный как и я, всеми полномочиями. Наше посольство требовало больше быстроты, чем пышности, и на другой день мы ночевали в Молдавии. Здесь войне предшествовала картина полного разорения; оно было следствием един-ственно ужаса, внушенного жителям вторжением нескольких войск. Опустение деревень и прекращение всяких занятий не обещали, без сомнения, турецкой армии того изобилия съестных припасов, которое она, естественно, надеялась иметь по близости Дуная; но эти размышления, которыми я занимал своего спутника, интересовали его безконечно меньше, чем настоящие недостатки, которые нам предстояло перенести до приезда в Данковчу. Графы Красинский и Потоцкий встретили там нас со всем уважением, какого заслуживал государь, представителями которого являлись мы; но что больше всего нравилось татарскому посланнику—это хорошее токайское вино, которым его угостили. Я привез его в своей карете; но высокое сидение казалось ему неудобным и он пожелал возвращаться в турецкой повозке, где он мог улечься, как можно удобнее. Я поспешил удовлетворить желание этого человека, которого и преклонные лета и обходительный характер были равно интересны. На другой повозке были наши пожитки и несколько слуг. Мы пустились в обратный путь по дороге, которую нам рекомендовали, как лучшую, хотя и несколько более длинную. После обильно выпавшего снега наступил холод довольно чувствительный: нужно было воспользоваться этим, чтобы переехать Прут в брод раньше, чем наступит малейшая оттепель, а вместе с нею и прибыль воды. Сопутствуемые проводником мы достигли берега этой реки, по течению которой быстро не-слись льдины. Не зная глубины речки, я боялся силы ее течения, но проводник разуверил меня и моя карета открыла шествие. Она была запряжена б хорошими лошадьми и достаточно тяжеловесна, чтобы устоять против течения; действительно, она очень счастливо достигла другого берега. Я поспешил выйти из нея, чтобы видеть переправу двух повозок, легковесность которых меня очень беспокоила.

Едва успели они проехать треть реки, как вода стала их подымать. Я закричал, чтобы их остановили, но ямщики, не слушая меня, понукают лошадей, оба экипажа опрокидываются и тотчас-же река уносит, в перемежку с льдинами, все остатки этого кораблекрушения. Я бегу к своему ямщику, чтобы приказать ему отпечь лошадей и вести их на помощь татарскому посланнику и моим слугам, и нахожу его на земле, почти замерзшим; я тащу его к ближайшему рву и оставляю там, зарытого в снег.

Мой проводник тем временем направился по течению реки к мельнице, где криками своими привлек внимание мельников. Я прибыл туда-же и застал уже за делом: они вытаскивали баграми тех, кто очутился под водой. Но я напрасно искал моего старого коллегу и предавался чувству самой го-рестной безнадежности насчет его судьбы, как вдруг услышал его голос, просящий меня успокоиться и увидел среди льдин одну его голову, выглядывающую из дверцы экипажа, сам он опирался только на льдины, откуда малейшим усилием его могло увлечь. Наконец я был так счастлив, что мог оказать ему помощь и собрать всех потерпевших кораблекрушение; мне нужно было еще предохранить их от опасности замерзнуть. В самом деле мороз так охватил их платье, что их невозможно было раздеть до тех пор, пока они не оттаяли у разведенного очага. Когда я удостоверился, что они могут уже обойтись помощью одних мельников, я побежал с проводником за своим ящиком: снег вылечил его. Мы застали его старающимся выбраться из ямы, куда я его стащил. На мельниц у очага он совсем пришел в себя; войдя туда, я был приятно поражен при вид всего своего экипажа, спасенного из воды. Я поста-рался оказать им всякую помощь, которая еще была необхо-дима, и скоро мне оставалось только умиляться чувствительности своего коллеги, который, забывши опасность, какой он едва избежал, говорил только о моем беспокойстве. Необходимо было время, чтобы вы-сушить платье, исправить возки, запастись провизией, а потому мы мо-гли выехать только на другой день. До сих пор я не мог похва-литься своим новым путешествием и дурные дороги, по которым нам приходилось ехать, сделали-бы его для меня окончательно невыносимым, если-бы не надежда, добраться скоро до Botouchar. Этот город, один из самых значительных в Молдавии, мне рекомен-довали, как обетованную землю, где я могу сделать дорожные за-пасы на весь остальной путь. Было еще светло, когда мы приехали туда: но мы нашли его совершенно опустелым, отворенные-же дома дали нам возможность войти в один из них, который был лучше с виду и принадлежали, по словам моего проводника, боярину. Это положение представляло мало утешительного; но мой проводник отпра-вился заявить о том, что мне было необходимо, к настоятелю соседняго монастыря. Я с нетерпением ожидал его возвращения, как вдруг во двор въехала карета, запряженная шестью лошадьми. Это был хозяин дома: войдя к нам, он сказал, что узнавши от моего эmissара об избранном мною местопребывании, он явился лично, чтобы не доставить возможности кому-другому удовлетворить все мои нужды. Такое почетное начало оживило паши надежды и провизия не заставила себя ждать. Как ни был важен с виду мой хозяин, но из беседы с ним я увидел, что он не был главой и что под-даваясь, по слабости характера, всем влияниям, он соглашался обы-кновенно с тем, кто говорил с ним последний. Потому-то мне легко было убедить его в опасности, угрожавшей боярам, которые не противодействовали бегству жителей, и даже сами санкционировали его своим примером. Он только что рассказал мне, что все жи-тели города, в числе 7 или 8 тысяч, испуганные разбоем и мародерством некоторых сипаев, приютились в том монастыре, куда я посылал, что многие бояре, такие-же боязливые, как большинство, поддерживали этот беспорядок, не предвидя его последствий. «Я был в числе их, вы меня убедили,— окажите ту-же услугу моим товарищам».

Удовольствие при мысли возвратить этих несчастных в их дома, которым не угрожала никакая беда, заставило меня забыть об опасности подобной благой попытке. Я оставил своего хозяина ночевать; мой путь лежал мимо ворот монастыря; крики женщин, де-тей, хаос от множества столпившихся людей и картина нищеты кругом, привели меня окончательно к решению последовать за боярином. Он помог мне проникнуть сквозь толпу к террасе: здесь меня встретили его товарищи и повели в залу, где они вели свои совещания. Я произвел такое впечатлите на своего хозяина, что он, все еще под влиянием моим, попытался обратить своих товарищей; но в самом начале был прерван упреками, посыпавшимися на него и убедившими, меня в том, что этот человек не был вожаком партии. Я решился пустить в ход свое красноречие, но скоро увидел, что оно не имеет успеха: настроение моей аудитории было бур-ное, смятение парализовало действие того спокойствия, которое я хотел водворить. Тогда я прибегнул к более действительным мерам. Панически страх вызвал беспорядок, страх более реальный один лишь мог явиться действительным лекарством. Я переменял тон, грозил пожаловаться хану и настоять на том, чтоб он снарядил скорый суд. Я извинял народ, который дает вести себя; я обвинял в бунте тех, кто меня слушал, и—увидел перед собой покорных и дрожащих людей. «Говорите вы этой испуганной толпе», сказал самый буйный из бояр: вы убедите ее скорее, чем мы сами; она вас благословит, и вы, не обвиняя нас, засвидетельствуете наше усердие». Я долго упорствовал и никогда не принял-бы на себя той опасной роли, какую мне предлагали, если-бы выйдя на террасу, на обратном пути не увидел невозможности пройти через толпу, которая со времени моего прихода была в сильном беспокойстве. «Говорите к этим несчастным», повторяет мне тот-же боярин, подвигаясь к краю крыльца, конечно, чтоб быть мне товарищем на этой новой трибуне. Три

янычара, вооруженные с ног до голо-вы, находились тут-же со всею магометанской спесью своей. Они имели важный и покровительственный вид; будучи принужден по-ложить конец всей этой истории я подумал, что лучше всего будет начать с этих храбрецов, чтобы поразить остальную толпу.

— Что вы делаете здесь? спросил я их суровым тоном.

— Мы защищаем этих неверных.

— Вы их защищаете, возразил я; против кого-же? Где-же их враги? Быть может это его высочество или хан татар? В таком случае вы бунтовщики и виновники того беспорядка, который царит вокруг вас. Будьте уверены, что вы подвергнетесь наказанию.

Не успел я кончить этого короткого замечания, как гордость моих турок уступила место страху: они поднялись со своих мест, во время моей речи, а теперь, оправдываясь, спустились со ступеней. Эта первая удача привлекла внимание толпы, молчание которой показалось мне добрым знаком. Я подвинулся ближе и возвысив голос, говоря по гречески, был уже близок к успеху Демосфена, как вдруг какой-то пьяница расталкивает толпу и, приняв на себя вид бойца-противника, обращается ко мне с такою дерзкой речью: „что вы нам говорите о покорности, о спокойствии, о хозяйстве, ко-гда мы умираем с голоду? Дайте нам хлеба», вскричал он в ярости, «вот что нам нужно». Видя все здание моего красноречия опрокинутым и не имея никакой возможности выйти из того положения, на которое я так неблагоприятно рискнул, я вынул из кармана две пригоршни серебрянных монет разной цены и, бросивши их толпе, воскликнул: «возьмите, ребята, вот вам хлеб, возвра-титесь к вашим жилищам. вы в них найдете довольство». Сце-на моментально изменяется: все бросаются собирать монеты, пьяница исчезает под напором толпящихся, оскорбления уступают место благословениям; поспешность, с которою я старался удалиться, была равна тому легкомысленному рвению, которое меня привело сюда. Мой уход сопровождался всеми военными почестями и я достиг своей ка-реты среди рукоплесканий разступившагося передо мной народа, кото-рый на другой-же день возвратился в свои жилища.

Мой спутник, ожидавший меня у ворот того монастыря, где я разглагольствовал, не был спокоен насчет последствий моей опро-метчивости. Оба мы были рады друг другу и продолжали свой путь, тщательно распределяя каждый день съестные припасы, которыми снабдил нас боярин. Деревни, которых нам приходилось проезжать, были разорены, как вся Молдавия, и мы едва могли найти в них ночлег. Валахия испытала то-же опустошение со стороны нескольких турецких отрядов, которые были предназначены для соединения с ханом, и которые в действительности занимались одним лишь разорением своего-же государства. Не было такой гнусности, которой-бы не совершили эти турки, подобно тем необузданным солдатам, которые при разграблении города, недовольные тем, что могут распо-лагать всем по своей воле, претендуют еще на самые нежелатель-ная преимущества.

Некоторые сипаи направили свои посягательства даже на таких лиц, как старый раввин синагоги и греческий архиепископ.

Мы прибыли наконец в Кишинев, истомленные усталостью и печальным существованием на диете, но губернатор заставил нас забыть все, приготовивши нам прекрасный ужин и ночлег. Остава-лось не более 12-ти миль пути и я располагал выехать ранним утром; но когда я проснулся, мне сказали, что это невозможно. После страшного холода накануне, ночью выпало так много снегу, что путь через горы, которых нам надо было переезжать, становился невыносимым для езды на колесах. Я однако-же нисколько не был расположен уступать препятствиям, будто нарочно соединившимся для того, чтобы задерживать мое возвращение; но мой старик татарин, менее активный и сильнее уставший, остался присматривать за экипа-жами. Я уехал санями. Благодаря быстроте такого рода езды, я вскоре был в равнинах Каушан. Новые препятствия ожидали меня здесь. Безснежие в соединении с совершеннейшей оттепелью задержали-бы меня, если-бы я не встретил возок, который был мне очень пригоден. Но нужно было употребить некоторое насилие, чтобы за-ставить хозяина его быть нашим проводником. Я взобрался на этот возок вместе со своим секретарем и мы уже радовались тому, что избежали необходимости идти пешком, как вдруг одно из колес сломалось и мы должны были покориться своей участи, хотя путешествие пешком очень мало соответствовало достоинству посланника татар. Я не ждал своего товарища, который приехал несколькими днями позже.

По приезде я имел свидание с ханом. Этому последнему сообщили уже, как я возвратился в Каушаны, и он, увидевши меня, начал с того, что посмеялся над скромностью своего уполномоченного. Все, что я рассказал о Молдавии, показалось ему настолько важным, что, известивши Порту об этих бедствиях, он тотчас принял меры пособить им. Разсуждая о мотивах, вызвавших эти бедствия, Крым-Гирей высказал мне свое мнение о великом визире Эмин-паше. Этот турок начал свою карьеру приказчиком; достигши потом должности писца в казначействе, он быстро возвысился до самых высших званий в государстве посредством своих интриг. Его дерзкая самонадеянность заставила его стремиться к званию визиря, когда была объявлена война, а его невежество скоро заставило султана раскаться в дурном выборе: эти недостатки великаго визиря не ускользнули от наблюдательности хана; он громко высказывался о них и заботился только о средствах предохранить оттоманскую империю от последствий безпутства и глупости ея перваго министра.

Набег на Новую Сербию, решенный в Константинополе, был принят в собрании знатных татарских вассалов и по всем провинциям отданы были распоряжения о призыве к воинской повинности. Требовалось по три всадника с каждых восьми семейств; это число считалось достаточным для образования 3-х армий, которыя должны были напасть одновременно: армии Нурадина в 40,000 человек было сказано идти к Донцу, армия Калги в 60,000 человек должна была следовать по левому берегу Днепра, к Орели, а стотысячная армия, под личным предводительством хана, назначена была проник-нуть в Новую Сербию. Войска едисанской и буджакской орды были преимущественно назначены в эту последнюю армию, сборный пункт которой был назначен близ Томбашара.

Сообщая мне все эти подробности, Крым-Гирей спросил меня, намерен-ли я сопровождать его в этой экспедиции: я ему отвечал, что мое звание резидента от имени государя Франции, обязывая меня быть неотлучно при особе хана, отнимало у меня возможность выбора. «Титул, водворившей вас при мне», возразил он, «заставляет меня удержатъ вас. Мы будем испытывать сильные холода, в своем платье вы их не вынесете; оденьтесь по-татарски; время дорого, мы выступим чрез 8 дней». Я тотчас встал, чтобы распорядиться на счет своей дорожной обмундировки; когда я выходил из покоев хана, ко мне подошел церемониймейстер в сопровождении двух пажей, и надел на меня превосходную шубу из меха белого лапландскаго волка. Я возвратился поблагодарить хана за оказанную мне честь. «Это я вам дал татарский дом», сказал он мне смеясь; у меня такой-же, и я хочу, чтоб мы были в одинаковом мундире».

Придворный конюший в тот-же день прислал мне десять черкесских лошадей, убеждая меня от имени своего повелителя не брать в поход моих арабских, которыя не могли-бы вынести ни холода, ни голода; но худоба этих лошадей не возбуждала моего доверия и я решил не следовать данному мне совету.

В то время, как готовилась моя татарская одежда, я обзавелся 3-мя дромадерами, и распорядился на счет палаток, которыя мне были необходимы. Устройство их столь-же простое, как легкое, заслуживает описания. Привыкши жить лагерем, татары, конечно, должны были изощриться в этом искусстве. Все их идеи сосредоточились на одном предмете, ставшем их первой необходимостью. Нация, ни-когда не знавшая комфорта лени, должна была обратить все свои заботы и все старания на то, что касается телесных упражнений, охоты и блеска военной обстановки. Татары в своих досугах ищут только отдыха; они домоседы без изнеженности и их военные лагеря совершенно похожи на их обычные жилища.

Решетка, легко свертывающаяся и развертывающаяся, образует круглую стену фута в 4 с половиной вышины; две конечности этого трельяжа, удаленная одна от другой фута на два, обозначают вход в палатку; затем около 20 палочек, соединенных с одного конца и на другом конце которых находится небольшое кожаное кольцо для прикрепления к перекладинам решетки, составляют сруб здания и поддерживают кровлю; она состоит из войлочнаго капюшона, котораго объем покрывает и стены, обитыя той-же материей; широкий ремень охватывает эту покрывку, а несколько лопат земли или снега, облегающие основание стен, не допускают воздуху проникать сюда и укрепляют отлично эти палатки, без помощи всяких шестов и веревок.

Самая изысканная утонченность заключается в том, что верх палатки делается в форме усеченнаго конуса, с отверстием внутри, которое в виде круга соединяет перекладины, служить проходом для

дыма, дает возможность разводить огонь в палатке и делает внутренность ее нечувствительной ко всякого рода переменам самого сурового климата.

Такова была и палатка хана, но размеры ее были так велики, что 60 человек могли свободно помещаться в ней вокруг очага. Внутри она была обита красной материей, меблирована круглым ковром и несколькими подушками. Двенадцать меньших палаток, назначенных для офицеров и пажей, располагались вокруг ханской и обводились оградой из войлока, футов 5 вышиной.

Все было готово к выступлению в поход: войска бессарабския, стоявша в Кишле под предводительством султана-сераскира, ожидали знака к отправлению.

7-го января 1769 г. Крым-Гирей выехал из Каушан со своей гвардией, с султанами, которые его сопровождали, министрами, офицерами высших чинов и мирзами-волонтерами. Этот первый день весь был употреблен только на переправу через Днестр. С этой целью устроено было восемь паромов, на которых накануне пере-правили весь багаж. На другом берегу были уже раскинута палатки. Первым делом хана было спросить, где расположился я, и находя, что мои палатки слишком далеки от его ограды, он распорядился, чтобы на будущее время они ставились ближе. Он потребовал также, чтобы я не делал никаких запасов и взял на себя заботу о моем столе во все время похода. 8-го января весь день переправлялись бессарабския войска.

Вечером я был в палатке хана в обществе нескольких вельмож, когда визирь доложил хану, что прибыл лезгинский князь, брат того, который был главой этих азиатских татар. Он явился в качестве посланника, чтобы приветствовать хана и предложить ему помощь в тридцать тысяч человек для предстоящей войны. Я имел удовольствие присутствовать при его аудиенции. В короткой речи, сказанной с достоинством, лезгинский князь изложил сущность своей миссии. Ответ хана, в котором он, принимая приветствие, отказывался от помощи, обличал в одно и то же время и достоинство повелителя, и самолюбие полководца. Посланник настаивал и наконец получил позволение принять участие в походе.

Если-бы можно было судить о нации по этому князю и лицам, его сопровождавшим, то о лезгинах можно было-бы составить самое лестное понятие. Представители их были высокаго роста, хорошо сло-жены, с воинственным видом, с свободной осанкой. Я заметил, что их ружья, имевши европейский вид, были сделаны превосходно; ссылаясь на свидетельство хана, я могу сказать, что отряд этот дает верное понятие об общем виде лезгинскаго войска. Я имею основание думать также, что хан не отказался-бы от предложения помощи со стороны этого народа, если-бы родина лезгин, лежащая на берегу Каспийскаго моря, могла быть вне опасности со стороны Кабарды.

Холода, которые, не смотря на обильно выпавшие снега, не сковали до сих пор Борисфена, вскоре стали настолько сильны, что татарския войска, стоявша на другом берегу, могли переходить по льду. В ожидании их мы стали лагерем близ Томбашара. Я проводил вечера с Крым-Гиреем; его суждения, зачастую новыя, были всегда возвышенны и выражались в самой оригинальной форме. Он имел существенную потребность давать простор своему уму, чему не могло удовлетворить общество его фаворитов. Наши беседы вместе с тем были единственным средством, способным рассеять припадки ипохондрии, которым он был подвержен. Особенно нравилось ему разсуждать о предразсудках, которые руководят различными нациями; его интересовало доискиваться самых источников этих предразсудков, которым он приписывал все заблуждения и даже большую часть преступлений; и, жалея человечество, Крым-Гирей находил философ-ское удовольствие тем самым оправдывать его. Я должен отдать справедливость талантам и уму этого государя: я слышал много раз, как он высказывался о влиянии климата, об излишествах и преимуществах свободы, о принципах чести, о законах и правилах управления и его идеи сделали-бы честь самому Монтескье.

Большая часть войска была уже собрана и вследствие того, что в Балте были заготовлены запасы провизии для армии, хан решился направить путь туда. Г. Балта, расположенный на границе с Польшей и ознаменованный первыми враждебными действиями, был в это время покинут жителями и представлял картину самого ужаснаго опустошения. Десять тысяч сипаев, посланных Портой для соединения с татарским войском, пришли сюда раньше нас и не только разорили самую Балту, но и сожгли все соседния деревни. Крым-Гирей с сожалением вел войска так мало дисциплинированный:

он сомневался в их мужестве, о котором турецкий повелитель напротив того был самого высокого мнения. Эта конница, свыкшаяся с приятным спокойствием и бездельем долгаго мира, не умеющая бороться с усталостью и холодом, к тому-же и слишком плохо одетая, чтобы выносить его, действительно, не имела значения. Мужество сипаев казалось хану не менее подозрительным, чем их религиозные принципы. В самом деле, не знаешь, чему отдают предпочтение эти арнаутские тимариоты—Корану или Евангелию³. Как-то вечером, одетый по-татарски, возвращаясь от хана к себе, я проходил по балтской площади; два запоздавших сипая шли передо мной: они говорили по-гречески и проклиная свое положение, клялись святым крестом взбунтоваться при первом удобном случае. Тотчас-же, уступая желанию выяснить себе это противоречие, я удвоил шаги и нагнавши сипаев, приветствовала их по-магометански, на что они ответили мне, как истые турки. Тогда я сказал им по-гречески: «прощайте, братцы, мы с вами одинаковые турки». Понятно, что после такого «прощайте» мы не разстались. Восхищенные мною сипаи удивлялись только, как мог христианин стать татарин; не желая, чтобы меня узнали, я сочинил историю. Они уверяли меня, что они мусульмане исключительно из-за тимара: это было все, что я хотел знать.

Армия была собрана, а холода настолько усилились, что давали татарам полную возможность проникнуть в Новую-Сербию. Только что пришла весть, что армия Калги подымалась к Самаре, армия Нурадина тоже была в пути. Крым-Гирей, проверивши свой план согласно с новыми сведениями, отправился из Балты на Ольмар, близ которого мы расположились лагерем. Это местечко, находящееся в татарских владениях, было отчасти уже сожжено сипаями, кото-рые dokonчили истребление его на глазах самого хана. Кроме того они имели дерзость явиться толпой к Крым-Гирею, требуя ячменя для своих лошадей, тогда как лошади его и всего войска принуждены были отыскивать себе траву под снегом. Негодование хана едва не выразилось самым жестоким образом, но он сдержал себя и ограничился предсказанием, что холод и нищета скоро принудят этих дерзких к полнейшей покорности.

До сих пор я столовался у хана; наши припасы были всегда свежи и я не мог судить о том, что предстоит нам в течении похода; но недостаток провизии сказанся в том чисто военном завтраки, который нам приготовлен был в Ольмаре. Я ждал завтрака этого спокойно, но не без аппетита; мундшенки накрыли стол: они поставили круглый поднос из русской кожи; два мешка сопровождали этот поднос, из них вынули прекрасные сухари и копченые лошадиные окороки, возбуждившие неизсякаемая похвалы. Икра и изюм, следовавшие затем, дополнили пир. «Как вы находите татарскую кухню?» спросил меня Крым-Гирей, смеясь. «Страшной для ваших врагов», ответил я. Он сказал что-то тихо своему пажу и тот подал мне, минутой спустя, золотой кубок, из которого всегда пил хан. «Попробуйте еще моего напитка» сказал Крым-Гирей. Это было превосходное венгерское вино, которым он и угощал меня с тех пор во все время похода.

В следующие дни армия двигалась в направлении к Бугу; мы перешли его по льду и остановились лагерем. Это была первая наша стоянка в запорожских степях. Не смотря на данный мне совет, у меня, в числе других лошадей, был и мой арабский конь; истощенный усталостью, голодом и холодом, он после переправы через реку упал почти мертвый. Животное еще едва дышало, когда несколько ногайцев пришли меня просить, чтобы я подарил им его. «Что-же вы станете делать с издохшей лошадей?» спросил я их. «Она еще не издохла, сказал один из ногайцев, и мы успеем убить ее и сесть, тем больше, что мясо белой лошади самое нежное». Я уступил без труда этой просьбе, но не ручаюсь, поспели-ли они во-время, чтобы с надлежащей точностью исполнить мусульманский закон.

Между тем холод так усилился, а равнины, которыми мы шли, предварительно выжженный, давали так мало корму, что, перейдя р. Мертвые воды, решено было идти берегом этой реки и стать лагерем в камышах, открытых нашими патрулями. Нам необходима была стоянка, чтобы погреться и покормить лошадей; но турецкая кавалерия, которая, вероятно, думала вести войну только с польскими деревнями и не запаслась ни палатками, ни провиантом, испытывала теперь всю суровость и голода, и холода. К этой первой своей оплошности они прибавили и другую: они неосторожно при-ближались к огню, спеша погреться, и большая часть их была обожжена и покалечена, так что жалость к этим несчастным вскоре сменила то чувство презрения, которое внушал их разбой. Хан, извещенный о том, что они нищенствовали повсюду у дверей палаток, приказал взять с каждого мирзы по одному сухарю и раздать им.

На другой день, в то время, как вся армия шла развернувшись боевым строем по равнине, мы встретили на пути небольшой холм, и у Крым-Гирея явилось желание взобраться на вершину, чтобы от-туда одним взглядом окинуть все свои войска. Он скомандовал остановиться: я влез на холм вместе с ним. Темный цвет татарской одежды и белизна снега, служившего фоном картине, позволяли различать все подробности ея. По знаменам можно было отличить войска разных провинций. Я заметил, что без всякаго определенного плана эта армия естественным образом разположилась слишком двадцатью правильными рядами. Каждый султан-сераскир с маленьким своим штатом составлял группу впереди своего от-ряда. Центр линии, занятый ханом и его свитой, представлял передовой корпус довольно многочисленный, строй которого имел боевой и привлекательный вид. Сорок отрядов, каждый в сорок человек, расположенных по четыре в шеренге, шли двумя колоннами впереди, составляя как-бы аллею, окаймленную с каждой стороны двадцатью знаменами. Главный конюший, в сопровождении двенадцати верховых лошадей и крытых саней, следовал непосредственно за ними, предшествуя отряду всадников, окружавших хана. За ними двигалось знамя пророка, несомое эмиром так-же, как сопровождающее его два зеленых значка. Они развивались в воздухе рядом со знаменами Игнат-козаков. Это последнее войско, причисленное к гвардеии хана, заключало шествие. Игнат - козаки, обязанные своими землями и своим именем обстоятельствам заставившим их эмигри-ровать из России оселились на Кубани. Некто Игнатий, несомненно больше ценивший свою бороду, чем свободу, возмущившись против Петра Великаго за бритье бород, искал убежища у хана со своими многочисленными последователями. Татары нашли такое сходство между словом *inat* (упрямый) и именем Игнат, что оставили за ними это название, как обозначающее причину их эмиграции. Кажется, Игнат-козаки не особенно заботятся о чистоте своей христианской веры, но они сохранили ея символ на своих знаменах и крепко держатся за привиллегию есть свинину. Каждый из наших Игнат-козаков имел при себе четверть свинины за плечами. Туркам очень не нравилось такое соседство знамени пророка и я слышал нераз, как они бранили сквозь зубы, как святотатство, то, что татары, благодаря своему здравому смыслу, находили вполне естественным. Остальное войско не имело такого вида довольства. Восемь или десять фунтов муки из жаренаго проса, столченой и набитой в кожаный мешок у седла каждого ногайца, обезпечивал войску пятьдесят дней про-питания. Одни лошади были предоставлены собственным своим заботам, но их положение мало чем отличалось от обыкновеннаго. Возможность им пользоваться свободой заставляла каждого татарина вести за собой двух или трех лошадей, а часто и больше. В нашей армии их было более 300,000.

Хан остался доволен смотром войска и спросил своих министров, «отличили-ли они самага храбраго во всей армии»? Молчание их было ясным ответом. «Это ни вы, ни я», сказал весело хан: «мы все вооружены; Тотт единственный человек, который осмелился идти на войну без оружия:-у него нет даже ножа». Этой шуткой закончился смотр и армия направилась снова в путь к истоку р. Мертво-вода. Мы прибыли туда очень поздно и расположились лагерем на обширном пространстве, покрытом зарослями.

Уже несколько дней Крым-Гирей жаловался на боль в пальце: у него образовался нарыв и началась лихорадка. С нами не было ни одного хирурга. Я предложил свои услуги и обзор ящика с ланцетами, который был при мне, окончательно заставил хана довериться моему искусству. Я принялся за дело; надрез успокоил боль, лихорадка исчезла и рана была залечена в несколько дней. Случай этот доставил мне почет и особенно удовольствие.

С тех пор, как мы вступили в запорожския равнины, я не покидал палатки хана; там мы беседовали с ним до полуночи. Закутавшись в шубу, он сидел, облокотившись на подушку, и приказывал мне сделать тоже. Два пажа поддерживали огонь, что было очень необходимо для нас. Но если Крым-Гирей заботился о моих удобствах, то он вовсе не был расположен позволить мне долго отдыхать. Он сам привык спать всего три часа и я едва мог выпрашивать у него, как милость, лишних пять минут, в течении которых приготавлилось кофе. Тогда проснувшись и не меняя положе-ния, я принимал ту-же позу, как накануне.

Было замечено, что палатка хана стояла на льду, но только на разсвете оказалось, что вся армия стояла лагерем на озере, поверх-ность котораго, просверленная безчисленным множеством прорубей, грозила все поглотить. Только палатка хана еще не была снята; я был один с ним, как вдруг поляк - солдат из моей свиты врывается, как бешеный, бросается к огню и раздевается. Я бегу к нему, думая,

что он или пьян или сошел с ума; чтобы заставить его уйти, я угрожаю ему гневом хана,—ничто не помогает. Хан делает мне знак оставить в покое солдата. Когда он снял уже сапоги, Крым-Гирей по шелесту его одежды догадался, что тот упал в прорубь. «Чего вы требуете от этого несчастного?» добро-душно сказал хан. «Разве умирающий человек не свободен? Он не хочет знать никого, кроме того, кто может помочь ему; цари для него ничто; оставим-же его на свобод». Мы вышли, и я велел слугам позаботиться об этом человеке.

Армия, направляясь все на север, хотела приблизиться к Ингулу, о положении которого имелись смутные сведения. Только после усиленного перехода в двенадцать миль, мы разбили свой лагерь на берегу этой реки: несколько покинутых жилищ и копны сена около них оченьгодились нам. Мы были на границ Новой-Сербии; мы достигли того пункта, с которого должно было разразиться нашествие на несчастных жите-лей, и военный совет был созван для того, чтобы определить количество войск необходимое для набега. В то время, когда собирался этот совет, один курьер и несколько пленных, захваченных пат-рулями, объявили, что вправо от нас запорожские козаки, теснимые Калгой-султаном, вошли с ним в переговоры и заручившись обещанием нейтралитета с его стороны, отказали в своей помощи коман-диру крепости св. Елисаветы. Пленные добавляли, что крепость эта находится на лево от нас и имеет сильный гарнизон. Эти по-дробности уяснили хану и его полководцам настоящее положение дел. Было решено, что третья часть войска, сформированная из волонтеров под предводительством одного султана и нескольких мирз, пере-правится через реку в полночь, разделится на несколько колонн, которая, последовательно раздробляясь, покروют всю территорию Новой-Сербии сожгут все деревни, всю жатву, захватят в плен жителей в уведут стада. Было решено еще, чтоб на каждого участвующего в этой экспедиции приходилось по два человека из остальной армии, имеющее каждый равную долю в его добыче. При таком способе дележа, никто не был обижен и общий интерес соединился с частным для наиболее удачного выбора солдата в экспедицию. Отряд этот был предупрежден что вся остальная армия перейдет Ингул на другой день и направится небольшими переходами к польской границе, стягиваясь постепенно к крепости св. Елисаветы, чтобы охранять фуражиров и ждать их возвращения. Разбойнические таланты, обнаруженные сипаями, обещали так много опустошительного рвеня в их стороны, что им предложили участвовать в набеге, но холод их так обезкуражил, что ни один из них не хотел идти. Одни лишь сердюки⁴, да еще несколько других турок последовали за султаном.

Отряд под его начальством ушел; холод был гораздо меньший, чем накануне, в течении ночи потеплело на столько, что мо-жно было опасаться оттепели. Вода в реке начинала выступать из под льда и мы могли рассчитывать на возможность переправы, лишь ускоривши свой отъезд. Армия вскоре была готова. Она развернулась вдоль Ингула и татары, привыкшие к подобным переходам, сняв-шись все одновременно с места, переправились распой на некотором разстоянии всадник от всадника; но сипай, которых страх заставлял ступать тяжело, а грохот ломающагося льда обезкураживал до того, что они готовы были остановиться, вдруг провалились и исче-зли под водой на наших глазах.

Мы остановились на другом берегу, чтобы дать время войску сформироваться. Несколько сипаев, избегнув опасности, оплакивали участь своих товарищей; они жалели особенно об одном, который потонул, имея при себе сумму денег, достаточную для обезпечения его сына, оставшагося сиротой. Один из Игнат-козаков предложил тотчас-же достать кошелек за два секина. Его предложение было принято. Тогда он раздевается, ему указывают отверстие между льдинами и он скрывается под водой. Зрители стали уже беспокоиться его долгим отсутствием, когда он по прошествии нескольких минут показался снова с сокровищем в руках. Этот успех ободрил товарищей утонувшаго. Они стали жалеть еще о пистолетах его, украшенных серебром. Неустрасимый козак предпринимает вторичную экскурсию, удовлетворяет их желанию, не требуя увели-чения награды, получает два секина, одевается и спешит стать в ряды своего войска.

Следуя намеченному плану, армия все подымалась, пока не до-стигла дороги, проторенной в снегу тем отрядом, который отправился в набег. Мы пересекли эту дорогу в том месте, где она разделяясь на семь ветвей, образовала как-бы гусиную лапу. Мы двигались дальше, постоянно держась крайней левой стороны, не разстраивая ни одной из боковых ветвей, которая постепенно встреча-лись нам; последняя из них были уже просто тропинки, проторен-ные одним или двумя всадниками. Погода стала дождливой и при-нудила войско остановиться на ночлег на берегу р. Аджамки. Но за

оттепелью, которая нас обезпokoила сначала, наступил такой холод, что с трудом можно было сложить промерзшие палатки. Мелкие льдинки при сильном ветре резали лицо, из носу шла кровь, дыхание, замерзая на усах, образовало куски льда, тяжесть которых была очень неприятна. Большая часть сипаев, изможденных предыдущими переходами, погибла в этот день: даже татарам приходилось плохо, но никто не смел жаловаться. Крым-Гирей, который после болезни часть пути совершал в закрытых санях, в это время спрашивал меня о папе, сравнивал положение св. отца со своим и жалел, что не может быть на его месте. Я воспользовался случаем, чтобы представить ему бедствия, причиненные его армии холодом, и ту опасность, которую представлял долгий переход. «Я не могу смягчить климата», сказал он, «но я могу внушить им мужество переносить его суровость». Тотчас же он требует лошадь и подчиняясь обычаю, запрещающему восточным государям носить чалму, которой прочее мусульмане окутывают головы, он едет с открытой головой, не смотря на холод и падающую изморозь, и побуждает своим примером султанов и министров сбросить чалмы. Этот мужественный поступок остановил ропот, но вместе с тем открыл глазам хана картину бедствий. В самом деле, каждая минута отнимала у нас людей и лошадей⁵. Мы постоянно встречали на равнине замерзшие стада, а двадцать столбов дыма на горизонте, дополняли ужас картины, возвещая пожары, опустошавшие уже Новую Сербию.

Мы повстречали небольшие кустарники и возможность фуража привела хана к решению остановиться. Его палатку разбила близ копны сена, которую он велел разобрать и которая, не смотря на свои огромные размеры, исчезла в одну минуту. Мы наблюдали это зрелище, в котором строгость порядка соединилась с алчностью грабежа. Вечером посланец привез нам вести от султана, предводительствовавшего набегом. Он сообщал, что жители одного большого селения укрылись в монастыре в числе 1200 человек; их сопротивление принудило султана употребить в дело серные светильни, который он велел прикрепить к стрелам, надеясь, что упорство этих людей уступит перед страхом пожара; но огонь распространился слишком быстро и несчастные все погибли. Высканывая свое сожаление о случившемся, султан жаловался на жестокость турок, которые его сопровождали и все мужество которых, по словам его, заключается в том, что они купаются в крови своих

Крым-Гирей, не менее султана сожалел о печальном исходе пожара; жестокость турок привела его в негодование: вид отрезанных голов возмущал его и раньше⁶. «Я повесил бы того татарина, который осмелился бы явиться передо мной в роли палача», сказал он. «Как может существовать нация, настолько жестокая, чтобы поддерживать варварство, оплачивая его, и чтобы находить удовольствие в таких отвратительных вещах?»

Благодаря прибытию вслед затем татар, которые возвращались нагруженные добычей и приносили с собой новые вести, мы не спали до трех часов утра. Вход к хану не мог быть воспрещен в этом случае, и я получил позволение отдохнуть несколько часов в своей палатке. Г. Руффин и Кустилье занимали ее; они мерзли, мало спали, умирали с голоду. Твердый снег служил им постелью, на которую и я поспешил улечься и, завернувшись в шубу, заснул. Вскоре после того паж хана, полуоткрыв дверь, сказал, что его господин посылает подарок, и положив что-то у ног г. Руффина, удалился. Г. Кустилье, который, благодаря голоду, не мог уснуть, не сомневался ни минуты в том, что подарок заключает в себе съестное; он знал также, что у меня нет ни чего запретного для его аппетита; но так как он лежал далеко от свертка, то просил приятеля посмотреть, что принесено. Этим последний, боясь холода, долго сопротивлялся; вынужденный уступить, он протянул руку, не освобождая головы из-под шубы, схватил что-то косматое и при свете фонаря, висевшего сверху, жадным взором г. Кустилье представилось человеческое лицо. В ужасе он вскричал: «мой друг, это человеческая голова» и г. Руффин, быстрее молнии, выбросил ее из палатки, проклиная вместе и холод, и голод, и татарские шутки.

Холод так усилился на другой день, что в момент отъезда, не смотря на перчатки на заячем меху, мои руки ооченели в одну минуту, когда я садился в седло, и мне с большим трудом удалось восстановить в них циркуляцию крови.

Столбы дыма, окаймлявшие горизонт с правой стороны, и крепость св. Елисаветы влево от нас, не оставляли сомнений в том, куда держать путь. Прямо перед нами возвышалось что-то в роде вех, к которым мы и направились, и скоро узнали в них сигнальные пункты. Это были трехугольные срубы

в восемь этажей, на-полненные соломой и хворостом и предназначенные, без сомнения, для того, чтобы подымать тревогу при первом появлении татар; но они служили только лучшими проводниками для татарского войска до са-мой Аджамки. В этом местечке, которое охранялось от опустошений своим соседством с крепостью св. Елисаветы, мы застали очень мало жителей, и ложно было заподозрить, что большая часть их укрылась в крепости под защитой пушек.

Наша армия была в таком скверном виде, что сама опасалась вылазки: в самом деле, отряд в две или три тысячи человек, атаковавши нас ночью, мог перерезать всех. Эта опасность была так же очевидна, как невозможность избежать ее, потому что войско не могло уже дольше выносить усталости. В такой крайности Крым-Гирей велел султанам и мирзам составить отряд в триста всадников, которые должны были после захода солнца напасть на крепость св. Елисаветы, чтобы держать гарнизон ее в оборонительном положении. Этот избранный отряд, единственный, в котором нрав-ственная энергия превозмогала физический упадок сил, захватил пленников в самом предместьи крепости и настолько обезпечил успех этой военной хитрости, что войско могло остановиться и от-дохнуть вполне удобно. Местечко Аджамка, имеющее от восьмисот до девятисот домов, расположено на берегу небольшой речки того-же имени. Обилие всякаго рода жатвы свидетельствовало о плодородии почвы. Но войскам запрещено было занимать дома из боязни преждевременнаго пожара; позволено было только похищать дрова и съестные припасы, годные для потребления. Хан сам подал пример, расположившись в палатке. Благодаря целому дню отдыха, в течении котораго к нам присоединилась часть передоваго отряда со множеством захваченных стад и невольников, в армии распространилось веселое настроение. Я заметил, что у татар каждой орды есть свой лозунг, на который отвечали их товарищи при дележе добычи. Слово Аксерай — белый дворец— служило лозунгом ханскаго двора. Если ясна была польза такого изобретения, то с трудом можно было понять, даже видя собственными глазами, ту заботливость, терние и удивительную ловкость, которыя обнаруживают татары для сохранения того, что они успели захватить. Пять или шесть невольников разнаго возраста, шестьдесят овец и двадцать волов — добыча одного человека — не обременяют его. Головы детей высматривают из мешка, привешеннаго к тулке седла, молодая девушка сидит впереди, поддерживаемая левой рукой всадника, мать позади, отец на одной из заводных лошадей, сын на другой, овцы и волы впереди, — все идет и не сбивается с пути под бдительным оком хозяина этого стада. Собирать его, вести, заботиться о его пропитании, идти пешком самому, чтобы доставить удобство невольникам — хозяину этому ничего не стоит, и такая картина, право, была - бы интересна, если -бы сюжетом ее не служила скупость и самая жестокая несправедливость. Я вышел с ханом любоваться этим зрелищем; один из офицеров гвардии, бывший на карауле у палатки хана, пришел известить его, что какой-то ногаец желает принести жалобу. Крым -Гирей согласился и ногаец в сопровождении того-же офицера приблизился к ним. Но сходство наших шуб ввело его в заблуждение и не зная, к кому из нас обратиться, он, казалось, отдал предпочтете мне. Я хотел отодвинуться, чтобы положить конец его замешательству, но Крым - Грей, заметивши все это, сделал знак офицеру, ото-двинулся сам и приказал мне выслушать ногайца. Дело шло о лошади, которая пропала у ногайца; взамен пропавшей он украл себе другую и теперь не мог никак доказать права возмездия, кото-рое он себе присвоил. «Что должен я отвечать?» спросил я хана.— «Судите, как сумъете», отвечал он, смеясь. Я сказал тогда ногайцу, что он должен возвратить украденную лошадь и хотел уже удалить его со двора, когда Крым-Гирей, которому эта штука доставляла удовольствие, шепнул мне, чтобы я не забыл о наказании палками. Я тотчас-же прибавил, обращаясь к ногайцу: «я прощаю тебе те палочные удары, которые ты заслужил». Знак согласия с моей резолюцией, сделанный ханом офицеру, показал мне, что Крым - Гирей не разсердился на меня за смягчение его приговора.

Не смотря на все старания разыскать жителей Аджамки, это не удалось; только на другой день, в момент отъезда, когда подожены были все скирды хлеба и сена, собранныя этими несчастными,— они бросились в объятия врагов, чтобы спастись от пламени, пожиравшаго их жатву и их очаги. Приказание сжечь Аджамку было выполнено так поспешно и огонь распространился по домам, крытым соломой, с такою силой и быстротой, что мы сами едва успели выйти оттуда среди пламени. Воздух, наполненный пеплом и парами растаявшаго снега, затемнил солнце на время; а потом эта смесь превратилась в какой-то сероватый снег, хрустевший на зубах. Полтораста деревьев были сожжены таким-же образом; огромное дымное облако распространилось на двадцать миль в пределы Польши и только наш приход туда объяснил причину этого явления. Войско долго шло во мраке и лишь по прошествии нескольких часов было замечено бегство ногайцев едисанской орды; в надежде

избавиться от лежавшей на них десятинной повинности с своей добычи хану, они предпочли возвращаться через пустыню на свой страх.

Войско, двигаясь к границ польской Украины, пришло в Красников. В этой деревне, лежащей за болотистой ложиной, была нечто в роде укрепления, где жители вместе с сотней солдат оказали сначала некоторое сопротивление; но боязнь пожара принудила их вскоре бежать и скрыться в лесу, откуда их ружейные выстрелы могли достигать до деревни. Чтоб вытеснить их оттуда, Крым-Гирей, ставши у опушки леса, приказал собрать остаток сипаев, которым он командовал идти в атаку. Но эти храбрецы, которым стихшие холода и отдых в Аджамке возвратили всю их дерзость, рассеялись от первого ружейного выстрела. Игнат-козаки, расположившиеся позади нас, одушевленные присутствием хана, про-сили и получили разрешение атаковать лес. Они проникли туда, окружили группу людей, которые там защищались, убили около сорока человек и захватили в плен всех, кто не мог спастись бегством. Во время этой экскурсии, которая стоила всего восьми или десяти чело-век козаков да несколько татар из свиты хана,—Крым-Гирей, возмущенный подлостью турок, беседовал со мною, предрекая то разложение, которое она готовит Оттоманской империи. Занятый этой мыслью, он въезжал в деревню, как вдруг заметил турка эмира по происхождению, который шел из лесу, держа в руках человеческую голову. «Видите», сказал мне хан, «видите этого не-годяя? Он хочет помешать моему ужину; но посмотрите, он едва осмеливается дотронуться до этой головы, которую он отрезал». Эмир подошел, бросил свой трофей к ногам лошади хана и с пафосом произнес пожелание, чтобы все враги повелителя татар испытали ту же участь, как этот, с которым он только что покончил. Но Крым-Гирей узнал уже в мертвой голове лицо одного из собственных Игнат-козаков. «Несчастный», сказал он эмиру: «как мог ты убить его»? Мертвый он внушает тебе, страх; живой он съел-бы тебя. Это один из моих Игнат-козаков, убитый в лесной атаке; кто-то другой, чтоб помочь тебе обмануть меня, отрезал голову убитаго: у тебя не стало бы мужества даже на это». Смущенный турок старался оправдаться: он настаивал на своем, осмеливался уверять, что он сам убил этого человека. «Осмотрите его оружие», сказал тогда хан. Нож, пистолеты, сабля—все было осмотрено немедленно и следов крови не оказалось нигде. «Убейте этого труса»! вскричал Крым-Гирей. Один из офицеров гвардии ударил турка слегка кнутом, чтобы, удовлетворив этим гнев своего повелителя, спасти несчастного от худшей участи. Но этот последний, гордясь своим званием эмира, дерзко протестовал против нанесенного ему оскорбления, так как, по турецкому обычаю, прежде чем подвергнуть наказание эмира, необходимо снять с головы его тюрбан — знак достоинства эмира. Тогда ярость хана разразилась. «Сбейте кнутом зеленый тюрбан с головы этого негодяя!» Приказание это, произнесенное тоном, не допускавшим возражений, было выполнено с суровостью более жестокой, чем смертная казнь. Но этот случай под подействовал на сипаев, которые, отказавшись раньше участвовать с татарами в набеге, пользовались теперь их возвращением, отнимали от них, с пистолетом у горла, приведенных ими невольников, владели некоторое время за собой отнятыя жертвы, а когда это надоедало, резали пленников в куски, чтобы избавиться от них.

Хан предполагал на другой день утром атаковать небольшой городок Цыбулев, расположенный за лесом, в разстоянии полуторы мили от нас; но по рассказам пленников гарнизон цыбулевский казался достаточно сильным, чтобы можно было захватить его без помощи артиллерийских орудий и потому хан позволил только волонтерам идти туда, а сам во главе армии двинулся на Буки в Польшу. Цыбулевские пушечные выстрелы, доносившиеся к нам во время пути, не могли помешать татарскому отряду волонтеров сжечь предместья и забрать много пленных. Все деревни, которые встречались нам на пути, подверглись той-же участи. Татары, более озабоченные захватом невольников, чем соблюдением границ Польши, продолжали свои разбои далеко за теми пределами, которые были им пред-писаны. Приказания Крым-Гирея, направленные против хитрой алч-ности татар, сначала не действовали; но строгия меры, принятыя им, аконец имели желанный успех, так как за проступком немедленно следовало наказание.

Чтобы вернее сохранить свои обязательства по отношению к Польской республике, главная часть армии должна была располагаться лагерем всегда в окрестностях деревень и питаться собственными припасами. Когда-же турки, для устройства которых не хватало средств, подожгли несколько домов, они были строго наказаны. На пер-вый взгляд можно было насчитать свыше двадцати тысяч невольников, которых вело за собой татарское войско; стад было безчисленное множество. Мы могли двигаться только небольшими переходами, а необходимость наблюдать за поведением татар побудила хана разделить войско на семь колонн.

В каждой деревне, где мы останавливались, наши жилища отмечались мелом; остальными домами, не занятыми ханской свитой, могли пользоваться сипаи. Хан приказал, чтобы квартира его и моя были рядом, и я пользовался этим преимуществом в течении некоторого времени. Но вот однажды какой-то али-бей, не нашедший без сомнения в деревне жилища достойного такой особы, входит важно ко мне в сопровождении двух сипаев, которые несли его вещи. Я спрашиваю его, что ему нужно. Не беспокойтесь, ответил он хо-лодно. С этими словами он устраивает нечто в роде эстрады из подушек, которые были с ним, усаживается и требует трубку. Напрасно я убеждаю его, что это помещение предназначается для меня, что мы не можем занимать его вместе, что я должен быть неотлучно при хане, а он при своем войске. Все аргументы бессильны; раз водворившись, он непоколебим. Тогда я решился просить ханского оруженосца, чтоб он освободил меня от этого беспокойного гостя. Он пришел тотчас под предлогом навестить меня; войдя он спросил бея, с которого времени он знает меня. Этот последний отвечал не конфу-зясь, что он пришел, чтобы свести знакомство, поселившись вместе со мной. «При атаке леса нужно было знакомиться с нами, мы были всем вам очень рады тогда», сказал иронически капитан гвардии, теперь-же вы должны удалиться, не ожидая, пока хан, извещенный о вашей выходке, воспользуется случаем выразить свой гнев».—«Я знаю всю силу его власти», отвечал бей; «одного его слова достаточно, чтобы слетала моя голова, пусть он произнесет это слово; но живой я не выйду до тех пор, пока вся армия не двинется в путь». Это было его последнее слово; ничем нельзя было убедить его. Взбешенный этим безумцем оруженосец удалился, чтобы известить хана обо всем происшедшем. Я был вскоре позван к хану. Крым-Гирей отдавал приказания, суровость которых заста-вила меня задрожать. Он был уже давно раздражен недисциплиниро-ванностью и подлостью турок, нахальство моего али-бея истощило терпение. Меня вызвали только для того, чтобы на свободе расправиться с ним смертной казнью. Хан хотел распространить свою строгость и на всех сипаев, и только боязнь того, что его могут заподозрить в пристрастии, сдерживала его. Я-же твердо решился сделать все воз-можное, чтобы оставить в покой бея, девиз которого был не «по-бедить и умереть», а «спать или умереть». Я заявил, что моя жа-лоба могла быть дурно передана, что нужно было выслушать меня самага; я успел выставить в смешном свете перед ханом смешное упорство арнаутов, так что проступок бея затерялся в массе других случаев. Приказание, отданное ханом, было отменено под обязательным условием, что я больше не покину его палатки.

Войско, отягченное добычей, награбленной в Новой Сербии, мед-ленно двигалось за стадами к польской границе и постоянно нена-сытные татары пользовались каждым случаем, чтобы обмануть бди-тельность хана и увеличить свою добычу мародерством, не смотря на угрозы строгого наказания. Но темный цвет татарской одежды не благоприятствовал воровской хитрости татар, делая их заметными издали на снежной равнине.

Как-то несколько ногойцев отделились от остального войска, обогнули одну из польских деревень и уже почти скрылись за нею. Хан, ехавший у опушки леса по возвышенности, откуда открывалась вся равнина, заметил этих мародеров: он приказал остановиться и послал своего оруженосца с 4-мя сейменами очистить деревню и привести ему тех ногойцев, которые будут застигнуты на месте преступления. Мрачный вид, сопровождавший это приказание, показывал, что хан желает сделать из этого случая пример для всех.

Оруженосец возвратился с ногойцем, у которого в руках был кусок полотна и два мотка шерсти, захваченные им. На во-просы хана ногоаец сознался в своей вине, и сказал также, что ему известны строгия постановления на этот счет. Он не выставил в свою пользу никакого оправдания, не просил пощады у хана и защиты у окружающих: но холодно ждал приговора, не высказы-вая ни гордости, ни слабости.—«Привяжите его к хвосту лошади и пустите в поле, пусть она влачит его, пока он не умрет; пусть глашатай едет следом за ним и выкрикивает пред всем войском вину преступника».—На этот приговор хана ногоаец не ответил ничего: он молча сошел с лошади и приблизился к сейменам, которые должны были связать его; но не оказалось под руками ни веревки, ни ремня. Пока отправились на поиски, я попытался замол-вить слово в пользу несчастного. Вместо ответа хан приказал кон-чать скорее, употребивши в дело тетиву от лука, вместо веревки. Ему заметили, что она коротка. Так пусть сказал хан, просунет голову в лук, который вы при вяжете к хвосту лошади.—Ногаец исполнил приказание. Лошадь помчалась в поле, но голова ногойца выскользнула из лука и несчастный упал.

— Пусть держится за лук руками, приказал хан.—Ногаец по-виновался.

Эта казнь, где осужденный явился собственным своим палачом, служит примером крайней покорности; она превосходит все, что мне приходилось слышать о слепом повиновении «старцу горы». Заботы Крым-Гирея о сохранении порядка в войске в пределах Польши простирались до охраны религиозного культа жителей. Несколько ногайцев, обвиненных в оскорблении иконы, изображавшей Христа, были наказаны палками у дверей церкви. «Следует учить татар, чтоб они уважали изящные искусства и религию», говорил Крым-Гирей.

Г. Саврань (в Польше, в брацлавском воеводстве) был тем желанным пунктом, где должны были распределить добычу, распустить все орды, за исключением бессарабской, и избавиться от всей той сумятицы, которая окружала нас. Было решено устроить там стоянку и на другой день нашего приезда приступлено было к дележу добычи; но при самом точном надзоре некоторым мошенникам удалось утаить часть ея от десятинной повинности хану. Однако, не смотря на обман, на долю его досталось около двух тысяч невольников, которых он дарил каждому, кто приходил к нему. Я присутствовал обязательно при этой процедуре и видя щедрость хана, заметил ему, что источник ея скоро изсякнет, если он будет продолжать в том-же роде.

Крым-Гирей.

На мою долю останется еще довольно, мой друг; годы наслаждений минули. Но я не забыл вас. Вдали от своего гарема, претерпевая всякия лишения и невзгоды в этих далеких пустынях вы заслуживаете награды; я предоставляю на вашу долю шесть мальчиков очень красивых, одним словом, каких-бы я выбрал для самого себя.

Барон.

Я осыпан вашими милостями; но может-ли быть достоин их тот, кто не знает им цены. Я-же боюсь, государь, что не сумею оценить вашего подарка так, как он заслуживает.

Крым-Гирей.

Я не имею намерения торговаться о вашей благодарности. Я даю вам пленников, они вам понравятся —вот все, чего мне нужно.

Барон.

Но ваша светлость забываете, что мое положение представляет непобедимое препятствие. Ваши пленные все русские: как-же я могу при таком условии принять подданных той державы, которая находится в дружественных отношениях с моим государем и повелителем?

Крым-Гирей.

Этот мотив мог ускользнуть у меня из виду: я и до сих пор, впрочем, не вполне понимаю его. Вражда создает невольников, дружба их дарить или получает в подарок; что касается вас, я во всяком случае не хочу оспаривать ваших обязанностей,—ваше дело их выполнять; но чтобы нам придти к соглашению, я заменю шесть русских шестью грузинами, и все уладится.

Барон.

Не так легко, как вам кажется, государь; я имею еще один довод, который трудно опровергнуть.

Крым-Гирей.

Какой?

Барон.

Мою религию.

Крым-Гирей.

В таком случае я остерегусь касаться ея; конечно, прекрасно руководиться религиозными побуждениями; но сознайтесь, по крайней мере, что это тягостно.

Барон.

Я сделаю больше; я признаюсь, что слабость человеческая заставляет часто уклоняться с пути истинного: например, быть может, и сегодня я оказываюсь таким щепетильным и преданным своему долгу только потому, что ваше предложение не кажется мне достаточно заманчивым; быть может шесть хорошеньких девушек заставили-бы меня забыть все мои принципы. Если-бы вдуматься, то оказалось-бы, что самые высокие подвиги добродетели зависят исключи-тельно от того, какого рода искушению они подвергаются.

Крым-Гирей.

Я это прекрасно понимаю и не преминул-бы воспользоваться этим средством соблазна, если-бы мог. Но, мой друг, и у меня есть своя религия: она позволяет мне давать христианам только невольников мужчин и предписывает оставлять женщин, чтобы делать из них прозелиток.

Барон.

Разве мужчины кажутся вам менее достойными обращения, чем женщины?

Крым-Гирей.

Конечно, нет; но мудрость нашего великого пророка все пре-дусмотрела. Это различие—лучшее доказательство ея.

Барон.

Признаюсь, государь, я не понимаю этого, и вы позволите мне думать, что просто хорошенькия девушки вам больше нравятся.

Крым-Гирей.

Клянусь вам, нет. Я только повинуюсь самому мудрому закону. Действительно, мужчина, будучи по природе независимым в самом рабстве своем, оказывает известный отпор, который едва сдерживается страхом. Он обладает сознанием своих сил, в нем преобладает ум, который доступен действию одной лишь божественной власти и который у меня и у вас может быть одинаково просвещенным: обращение мушны всегда чудо; между тем как среди женщин это явление самое естественное и простое: женщины всегда держатся религии тех, кого они любят. Да, мой друг, любовь—великий миссионер; раз она является —женщины никогда не спорят.

Я также не оспаривал этого странного убеждения, которое приложимо, без сомнения, только к женщинам, находящимся в рабстве.

После того, как большая часть невольников была распределена и ногайския орды распущены, хан направил путь к Бендерам; но если уменьшение числа войск способствовало большей быстроте похода, то с другой стороны благородство хана ставило новыя препятствия его желанию ускорить свое возвращение. В самом деле султаны и министры, имевшие до сих пор при себе только походный багаж, теперь благодаря хану имели такой излишек добычи, который препятствовал им двигаться с достаточной скоростью. Кади-лескер, наиболее ненасытный и наиболее ловкий в достижении своей цели, оказывался также наилучше награжденным. Мне было любопытно видеть его среди его изобилия и я отправился к нему как-то вечером.

Этот великий судья почтенных лет и с почтенной белой бо-родой небрежно лежал на ковре, предназначенном для времени мо-литвы, и жадным взглядом, с злобной улыбкой созерцал

невольников разного возраста, которые в числе сорока человек, собравшись у печки, образовали группу из фигур обоего пола; глаза всех их были устремлены на Кади-лескера.

— Поздравляю вас, сказал я, с успехом войны, принесшей вам, кажется, немалую прибыль.

Кади.

Вы видите, правда, что хан меня хорошо вознаградил; но вы знаете также, что надо пользоваться этими богатствами, чтоб наслаждаться ими; а это трудно для меня.

Барон.

Если вспомнить принципы хана насчет обращения женщин, то он, кажется, полагается на вас относительно прозелиток.

Кади.

Когда вы пришли, я занимался тем, что искал среди этих фигур наиболее приятную. Вглядитесь и вы, и посмотрим, сойдемся-ли мы в выборе.

Барон.

Я уже решил и подаю голос за ту хорошенькую девушку с стройной талией, скромной осанкой и нежным взглядом, стоящую на скамье.

Кади.

А я отдаю предпочтение этому круглому цветущему лицу и ручаюсь, что эта фигурка, одетая пажем, будет восхитительна. Я признаюсь вам даже, что эта стройная талия, которая вас восхищает, кажется мне недостатком дородства.

Барон.

В таком случае я вас не жалею, так как эта девушка единственная, в которой можно найти этот недостаток. Но я вижу здесь очень молодых: не можете-ли вы сказать мне, с каких лет начинают заниматься их обращением и не слишком-ли торопятся жениться на них ногайцы, которые обнаруживают такую жадность к захвату в плен девушек.

Кади.

Нет, татары, напротив, очень совестливы на этот счет.

Барон.

Но как-бы они ни были совестливы, они не могут спрашивать у невольников о том, сколько им лет, и даже подобная справка была-ли-бы достаточной?

Кади.

Они имеют хороший способ успокоить свою совесть. Если они сомневаются в силах молодой девушки, они делают вид, что сердятся, пугают ее и принуждают бежать; когда она обращается в бегство, они бросают ей вслед одну из шапок; этот удар не сильный сам по себе, достаточен для того, чтобы свалить ее с ног, если она слаба. В таком случае они уважают ее раннюю молодость, у

тешают ее и ждут терпеливо того времени, когда она станет достаточно сильной, чтоб выдержать испытание.

Барон.

Я не знаю, достаточно-ли этого; но и в таком случае можете-ли вы ручаться за честность тех, кто практикует этот способ?

— Можно всегда ручаться, ответил мне Кади, что обычаи строже соблюдаются простой нацией, чем законы у народов культурных.

В это время я почувствовал себя дурно и приписывая это удушливой жаре в комнате Кади-лескера, отправился домой; но переход из такой атмосферы к резкому холоду подействовал на меня так, что я упал без памяти на снег. Я лежал так несколько времени, пока один из слуг судьбы не заметил меня и не дал знать своему господину. Однако помощь, которую он поспешил оказать мне, не имела-бы успеха, если-бы Крым-Гирей, узнавший о моем приключении, не прислал мне с одним из своих пажей «eau de Luke», которую я должен был нюхать. Не смотря на это средство, я был еще слишком слаб, чтоб добраться до своего жилища; четыре татарина отнесли меня домой; ужас гг. Руффина и Кустилье при виде меня придал мне бодрости и помог окончательно придти в себя. На другой день мы прибыли в Бендеры. На некотором расстоянии от города мы заметили бендерского визиря, который двигался на встречу нам. Приблизившись к хану, визирь в сопровождении многочисленной свиты слез с лошади, подошел к Крым-Гирею, отдал ему глубокий поклон и повернулся, чтобы идти пешком впе-реди хана. Но после этой церемонии он получил позволение сесть на лошадь и сопровождал таким образом Крым-Гирея до р. Днестра, которая отделяла нас от крепости. Мы заметили здесь мост из кораблей, который был устроен пашою бендерским; это представило тем больше затруднений, что нужно было разбивать лед, покрывавший еще реку. Но все эти меры, предпринятые с целью оказать внимание повелителю татар, имели мало успеха, и все настойчивые убеждения визиря, чтобы хан воспользовался мостом, не привели ни к чему. «Я переправляюсь чрез реки более экономическим способом». С этими словами он пускает свою лошадь мелкой рысью и принуждает пашу, котораго заставила содрогнуться эта шутка, последовать его примеру. Треск ломившихся под ними льдин должен был в самом деле заставить пашу пожалеть о понтонах, и только на другом берегу уже он мог наглядно убедиться в их бесполезности. Во время этой переправы из крепости начались пушечные салюты; Крым-Гирей вступил в Бендеры при громе всей артиллерии. Он расположился в доме визиря, устроивши стоянку для того, чтобы распустить свои войска; тем временем в Каушанах приготовлена была для него квартира и мы прибыли туда все равно довольные возможностью отдохнуть после похода.

Между тем вести, получаемая из Константинополя, откуда турецкая армия располагала отправиться к Дунаю, не обещали татарам долгого бездействия. Среди удовольствий, которым любил предаваться Крым-Гирей в минуты отдыха, он был предусмотрителен и уже отдал приказ собирать новые войска; он считал необходимым направиться самому к Хотину, чтобы удалить оттуда великаго визиря. Невежество, которым отличался этот первый министр, требовало действительно противодействия со стороны человека такого могущественнаго и просвещеннаго, как хан; раньше видно уже было, что намерения Крым-Гирея не были благоприятны для Эмин-паши. Этот последний, более подозрительный в своем недовольстве и вынужденный скрывать его до поры до времени, был самым опасным врагом.

Среди всех своих занятий, Крым-Гирей все чаще испытывал приступы ипохондрии, которым он был подвержен. Я был вдвоем с ним во время одного из таких припадков, которые он переносил с нетерпением, и старался, чтобы он не принимал никаких сомнительных лекарств, когда некто Сирополо, предлагавший уже ему свои услуги, вошел в комнату. Этот человек был родом из Корфу, греческаго вероисповедания, химик большой руки, врач Валахскаго господаря и его уполномоченный в татарском ханств; в качеств таковаго он имел доступ к хану и предложил ему свою медицинскую помощь, уверяя, что он знает лекар-ство, вовсе не дурное на вкус, которое вылечит хана окончательно.

— «На таком условии я согласен», ответил хан и врач вышел. Я задрожал так заметно, что хан обратил внимание и сказал мне с улыбкой: «что, мой друг, неужели вы боитесь?»

— «Конечно», отвечал я с живостью, обсудите положение этого человека и свое и подумайте, не прав-ли я?»

— «Какое безумие» сказал он, «на что мне обсуждать? Не достаточно-ли одного взгляда: взгляните на него и на меня и увидите, осмелится-ли он».

Напрасно я употреблял настойчивые убеждения, пока готовилось лекарство; врач быстро развеял дурное расположение хана, и это усилило мои опасения.

На следующий день подозрение мое еще больше возросло: хан чувствовал такую слабость, что едва мог выйти; но ловкий врач уверял, что это хороший симптом спасительного кризиса и полного выздоровления. Между тем Крым-Гирей уже не выходил из га-рема. Опасаясь за него, обезпеченный безопасностью министров, я сообщил им свой страх и вынудил решение позвать на суд Сирополо и сказать ему, что его жизнь будет зависеть от жизни хана. Но этот человек достаточно хорошо знал мораль своих судей, знал, что эгоизм заставит их заняться не мертвыми, а его преемником. Никакие угрозы не могли смутить его. Мы потеряли всякую надежду и я не рассчитывал уже видеть хана, как вдруг он меня позвал к себе. Меня ввели в его гарем, где я застал нескольких из его жен: общая печаль и уныние их было так велико, что они забыли удалиться. Я вошел в комнату, где лежал Крым-Гирей. Он только что кончил различные дела с своим диван-эффенди (секретарем совета). Указывая на бумаги, лежавшие вокруг, он сказал мне:

«Вот мой последний труд, а вам я отдаю свои последние минуты».

Но увидевши вскоре, что никакие усилия не могут победить моей печали, он прибавил:

«Разстанемся; ваша чувствительность могла бы растрогать меня, я же постараюсь уснуть на веки веселее». Он дал знак шести музыкантам, стоявшим в глубине» комнаты, начать концерт.

Час спустя я узнал, что несчастный хан умер под звуки музыки.

Мне нет надобности говорить, какие сожаления вызвала его смерть и как она глубоко опечалила меня лично. Отчаяние было общее; какой-то ужас овладел всеми и те, кто накануне спокойно спали, уверенные в полной безопасности, теперь думали, что неприятель стоит у ворот.

В то время, как собравшийся диван был занят рассылкой курьеров, облечением властью одного из султанов на время междуцарствия и хлопотами о набалазамировании тела Крым-Гирея,—Сирополо без всяких затруднений получил паспорт и билет на проезд» необходимые ему для того, чтобы спокойно уехать в Валахию.

Между тем признаки отравы ясно обнаружались при бальзамировании тела; но интерес минуты заглушил у этих придворных всякую мысль о мести и наказании виновного. Тело хана было отправлено в Крым на колеснице, драпированной черным сукном, запряженной шестью лошадьми в черных пополах. Пятьдесят всадников, значительное число мирз и султан, командовавший конвоем, были тоже в трауре; надо заметить, что на востоке этот обычай есть только у татар.

Сильная усталость, которую я испытывал уже давно, вместе с неизвестностью относительно своего положения, которую вызывало это событие, заставило меня легко уступить желанию уехать в Константинополь и там ждать новых распоряжений, которые угодно будет поручить мне. Часть моего домашнего хозяйства была еще в Бахчи-сараях, другую часть я оставил в Каушанах, где оставался и г. Руффин, удерживаемый делами. Распорядившись так, я уехал в сопровождении своего секретаря, хирурга, лакея и ханского чиновника, который должен был меня провожать и был снабжен необходимыми указаниями на этот счет.

Мемуары бар. Тотта, как мы уже сказали, небогаты сведениями относительно территории нынешнего Новороссийского края. Те отрывочные данные, которые он сообщает, могут быть разделены на географические (касающиеся топографии и этнографии) и исторические.

Говоря о татарском набеге 1769 года, бар. Тотт описывает только погром Новой Сербии (которая входила тогда в состав Елисаветинской провинции), не касаясь остальной части южнорусских степей, которую разоряли войска Калги и Нурадина. Он только указывает, что по общему плану набега, намеченному в Каушанах, армия Калги должна была направиться на северо-восток к Самаре и

Бахмуту, армия Нурадина—к сев. Донцу, и затем упоминает о том, что во время военного совета на правом берегу Ингула, у границы Новой Сербии, хан получил вести об этих двух армиях, подтверждавшие движение их в указанном направлении.

Бар. Тотт в качестве очевидца описывает очень подробно поход той главной части татарской армии, которая находилась под предводительством самого хана Крым-Гирея, и мы можем шаг за шагом проследить движение ее и район, охваченный ее нашествием.

После общего военного совета в Каушанах, армия, предводительствуемая ханом, переправилась через, Днестр и направилась на север.

В Балте, после долгого перехода, была первая большая лагерная стоянка. Из Балты войска двинулись на восток, а затем в юго-восточном направлении шли к р. Бугу. На этом пути бар. Тотт упоминает об остановке в каком-то татарском местечке Ольмаре (?), которого мне не удалось фиксировать на карте. Быть может, местечко это имело и другое название. На правом берегу р. Буга в настоящее время есть местечко Ахмечеть; название это, несомненно татарское, очень разнится от наименований окрестных сел и деревень; а самое местечко лежит как раз на том пути, по которому шло татарское войско; но нет никаких данных утверждать, что Ольмар и Ахмечеть одно и то же.

Далее войско хана переправилось по льду через р. Буг, к северу от впадения в нее р. Мертвовода; после нескольких дней пути уже по запорожским степям, оно перешло р. Мертвовод и берегом ее шло до истоков этой реки, где и расположилось на отдых в камышевых зарослях.

После этой стоянки, войско, не зная дорог, двигалось наугад в северо-восточном направлении к р. Ингулу, на правом берегу которого, почти на границе Новой Сербии, остановилось лагерем для окончательной проверки плана военных действий. Местность, по которой шло до этого пункта татарское войско (между средним течением р. Буга и средним течением р. Ингула), бар. Тотт называет запорожскими пустынями (*deserts Zaporoviens*). Это было ведомство Запорожской Бугогардовской паланки. Очевидно в то время население этой местности было очень малочисленно, так как бар. Тотт, подробным образом описывающий все стоянки армии, один раз только упоминает о нескольких заброшенных копнах сена, которые встретились по дороге на правом берегу Ингула и которыми войско воспользовалось для устройства своего лагеря. Вероятно, это был зимовник, покинутый жителями при вести о приближении врага. На пространстве всего пройденного пути до Ингульской стоянки, бар. Тотт ни разу не говорит о подобных поселках. Да это и не удивительно, так как юго-западная окраина Бугогардовской паланки примыкала непосредственно к кочевым владениям едисанской орды. Южная часть нынешней херсонской губернии, между нижним течением Буга и устьями Днепра, принадлежала к району едисанских кочевий и не имея строго определенных границ, составляла предмета вечной порубежной распри между ордой и Запорожьем.

Непосредственное соседство с татарами не могло внушать желания селиться близ этой опасной окраины и только необходимость вызвала устройство кое-где сторожевых постов и зимовников. К северо-востоку же, к берегам реки Ингула местность могла быть населена плотнее.

Перейдя Ингул, войско татарское в пределах Новой Сербии раздробилось на множество мелких отрядов, движения которых проследить нет возможности. Это был дикий набег, где отсутствовал правильный план, где главной целью ставился возможно более опустошительный разгром земли и захват пленных.

Мы можем следить опять таки лишь за движением той же центральной части войска, которой предводительствовал хан. Б. Тотт отмечает здесь несколько фактов погрома свидетелем которых он был. Не решившись напасть на крепость св. Елисаветы, татарское войско разорило близлежащее местечко Аджамку, а затем повернуло на сев.-запад и, двигаясь к польской границе, на пути уничтожило м. Красников. Кроме того, отряд волонтеров направился к Цыбулеву, но не рискнувши напасть на самое укрепление под пушечными выстрелами, разграбил только предместья. Б. Тотт вскользь говорит о набеге на Цыбулев, но о том же событии мы имеем другое свидетельство, приводимое г. Скальковским, именно рапорт вальдмейстера Максимова⁷ (от 26-го января 1769 г.), который сам скрывался в Цыбулеве во время татарского нападения. В том же рапорте Максимова мы

находим сведения о разорении татарами еще двух пунктов—слобод Максимовской и Гончарской. Барон Тотт не упоминает этих слобод, очевидно, разорение их было делом одного из отдельных отрядов.

Описывая страшные картины погрома Новой Сербии, б. Тотт говорит, что в пределах этой территории было сожжено 150 де-ревень, общее же число захваченных пленных доходило до 20,000 человек. Говоря о населении Аджамки, он указывает, что это местечко имело от 800 до 900 домов; наконец, он приводит факт сожжения татарами 1200 человек, укрывшихся в каком то монастыре во время набега и погибших после упорного со-противления. Все эти данные говорят в пользу того, что в то время на территории, составлявшей Елисаветинскую провинцию (по бар. Тотту Новую Сербию), было уже немало поселений с довольно значительным числом жителей. Если допустить даже весьма возможное преувеличение в числе пленников, трудно определяемом на первый взгляд, то все же остающаяся данные свидетельствуют в пользу населенности этой территории.

Некоторые из упоминаемых бар. Тоттом пунктов существуют и теперь. Так, Аджамка, бывшая в то время военным пикинерским шанцем, теперь существует в вид местечка на реке того же имени (в алекс. уез., херс. губ.) к северо-востоку от Елисаветграда, бывшей крепости св. Елисаветы.

Г. Цыбулев, упоминаемый бар. Тоттом, вероятно, нынешнее местечко Цыбулево на р. Ингульце, в северной части александрийского уезда, ближе к границе киевской губернии. Красни-кова, а также слобод Максимовской и Гончарской, под теми же именами, на карте херс. губернии нет. Г. Скальковский две последние слободы указывает в том-же александрийском уезде. Дер. Максимовка есть в елисаветградском уезде, на р. Большой Вы-си, впадающей в р. Высь, но она находится несколько вдали от остальных упомянутых пунктов, которых положение определяется точно в александрийском уезде.

Мы видим, что вторая и главная часть похода совершалась татарским войском в местности уже гораздо более населенной, чем земли Бугогардовской паланки.

Район, охваченный описанным набегом татар, заключал в себе северо-западную часть нынешней херсонской губернии: вся тяжесть погрома пала на александрийский, а потом на елисаветградский уезды.

Описание 3-й заключительной части похода прямо не относится к нашей цели, так как дело происходило уже в пределах польской Украины (нынешней киевской и подольской губернии). Заметим только, что местечко Саврань, бывшее сборным пунктом для дележа награбленной в Новой Сербии добычи, существует и в настоящее время в подольской губернии, на почтовом тракте, близ р. Буга.

Татарский набег сопровождался обычным атрибутом своим—пожарами, уничтожавшими на пути все имущество, а часто не щадившими и самой жизни обитателей этого края. Противосто-ять диким, стремительным ордам могли только места укрепленные и защищенные войсками. Но таких пунктов было мало, во-енная защита была плохо организована: русское правительство с этой целью устроило только крепость св. Елисаветы, все-же другие укрепления, в виде шанцев, были довольно слабы. Жителям остальных мест приходилось прибегать к единственному сред-ству защиты при появлении врага—покидать свои жилища и пря-таться в перелесках. В набеге 1769г. мы видим обычные в подобных случаях приемы и нападения, и самозащиты. С одной стороны татары, дробясь на мелкие отряды, чтобы лучше скрыть следы, рассеиваются по всей территории и, обходя по возможности все укрепленные пункты, стараются действовать неожиданным набегом в разсыпную на беззащитные слободы и поселки, истре-бляя их огнем. С другой стороны население бежит от татар, ищет при-юта в стенах укрепления или монастыря, или скры-вается в леса, оставляя свои жилища, поля и стада в добычу пламени и разграбление. Барон Тотт рассказывает о том, как Игнат —козаки и татары атаковали жителей, засевших в лесу. По словам упомянутого уже Максимова, жители слобод Гончарской и Максимовской, укрывшись в Черном лесу, отстреливались от татар. Весть о приближении врага распространялась обыкновенно посредством придуманных запорожцами сигнальных «фигур», устраивавшихся из пустых бочек (или из бревен), сложенных в виде башни и переложенных соломой и горючими ве-ществами. Фигуры эти в запорожских степях ставились, в недалеком расстоянии одна

от другой, обыкновенно на курганах, вдоль ка-кого-нибудь шляха, проезжей дороги; около них устраивались небольшие сторожевые посты или редуты. Зажженная фигура давала знать о появлении неприятеля в соседний редут, там делали то-же самое и вскоре яркое пламя горящих фигур разносило по всей стране грозную весть, предупреждая жителей об опасности. Русское правительство, устраивая в 1763 г. Елисаветинскую провинцию приказало поставить на всем ее пространстве подобные «сигнальные маяки». Очевидно, о них говорит барон Тотт описывая путь войска к Аджамке, и не без основания замечает что эти сигнальные маяки служили для татар, незнающих до-роги, лучшим проводником вглубь страны.

Временем своих набегов татары обыкновенно избирали средину лета или зимы, когда можно было переправляться через реки вплавь или по льду, и очень избегали весенних и осенних разливов. Суровость климата, страшные зимние холода гибелью действовали на татарское войско в этих открытых степях; с непривычки это поражало барона Тотта и заставляло его, быть может, слишком сгущать краски в описании бедствий татарской армии, когда он говорит, например, о том, что у них в один день погибла 1/10 часть всех лошадей, т. е. 30,000 и 3,000 людей от холода и голода. К большому преувеличению, если не просто к вымыслу, нужно отнести и рассказ барона Тотта об одном из Игнат — козаков, опускавшемся два раза на дно реки, чтобы достать у одного из потонувших сипаев кошелек и пистолеты.

Что касается чисто исторической канвы рассказа о 1769 г., то она в общем согласна с свидетельствами других источников и только в некоторых частностях есть разногласие. Именно, барон Тотт упоминает о таком факте: что «запорожские козаки», теснимые Калгой-султаном, заручившись с его стороны нейтралитетом, отказали в повиновении командиру крепости св. Елисаветы. Некоторые польские историки подтверждают это свидетельство; г. Соловьев совсем умалчивает о нем, а г. Скальковский с негодованием отвергает возможность подобного факта, указывая на ту роль деятельных союзников, которую играли в войне 1769—1774 г. запорожцы относительно России. Роли этой отрицать нельзя, но если мы посмотрим, с какого времени началась она, то увидим, что запорожцы являются деятелями в этой войне совместно с русской армией после того, как действия этой армии и флота были ознаменованы первыми блестящими успехами, что участие запорожцев в войне этой относится уже к концу 1769 г., а не к началу его. Грамота Екатерины II от 19 декабря 1768 г., поощрявшая верность запорожцев, которые донесли генералу Воейкову о заискиваниях хана крымского, эта грамота на которую особенно ссылается г. Скальковский, кажется, не может служить непреложным свидетельством против барона Тотта. Мы видели, что запорожцы и в данном случае действовали совершенно независимо: только уладивши дела свои с ханом, они довели об этом до сведения генерала Воейкова. Эта самостоятельность запорожцев понималась русским правительством и вызывала с его стороны неудовольствие, которое ясно сказывается в письме Румянцева к Екатерине II-й по поводу донесения запорожцами о полученных ими прелестных письмах от Порты⁸: многие случаи, пишет Румянцев, довольно меня вразумляют разбирать свойство запорожских козаков, которые настоящим воследованием ищут превознести в том, всегда ими воображаемом уважении, что одно их войско толь важно для защиты границ, сколь и прелестно другим державам. Не вмещается то в моем понятии, как-бы мог султан такого эмиссария отправить прямо и явно к сему войску, не имевши никаких предувверений или поводу, котораго народное право подвергает участи самага злейшаго преступника и коего в показание своей подданнической верности, кошевому атаману подлежало-бы самыми средствами при-крытыми представить генерал-губернатору в Киев и тем пресечь дальнейшия покушения. Но сего злодея, Кошевой рапортует, что через несколько дней с письмом ответным к султану отпустить. А я и не могу вообразить, какую можно переписку в сей материи продолжать подданному с неприятелем, которая при нынешних обстоятельствах столько подозрительна, сколько и предосуждения сделать может высочайшим интересам вашего величества, по разсуждению, что войско запорожское не одноземцы, но всяких наций составляют народы».

Вообще, если принять во внимание постоянное стремление Запорожья к независимости в своих делах, его стесненное положение в последние годы существования, его вечная распри с командиром крепости св. Елисаветы из-за земель, о чем свидетельствует целый ряд документов, из этого периода, наконец сношения Запорожья с турками, не раз завязывавшиеся в трудную годину, хотя оканчивавшееся всегда печально для запорожцев, в факте приводимом бароном Тоттом можно видеть не ка-кую-то «измену» Запорожья русскому государству, а просто политический расчет, который заставлял свободную общину запорож-скую держаться в выжидательном положении среди

загоравшейся распри двух враждебных стихий. Во всяком случае утвердить этот факт можно было-бы только каким-нибудь положительным подлинным документом; но я хочу указать только, что нет оснований отрицать возможность подобного образа действий со стороны Запорожья.

Можно сделать еще короткое замечание относительно чисто исторического факта, входящего эпизодически в мемуары барона Тотта. Говоря о происхождении войска Игнат-козаков, поселившихся на р. Кубани и бывших верными подданными турецкой империи, барон Тотт замечает, что первый предводитель этой группы поселенцев был Игнатий⁹, который ушел из русского государства от бритья бород потому, видно, что «ценил бороду свою дороже свободы». Это замечание показывает, что барон Тотт, достаточно знакомый с историей татар и турок, не стоит на такой-же твердой почве относительно русской истории. Он не понял того, что в известный период русской жизни люди могли отставать свою бороду именно потому, что в покушении на нее видели посягательство на свою свободу; что бритье бород было одним из случайных поводов, за которым скрывались гораздо более глубокие причины, побуждавшие этих людей покинуть свою родину, бежать в чужой край и вместе с неприятельским войском разорять пределы русского государства.

В качестве интересной подробности, опущенной русскими историками, можно отметить указание барона Тотта на то обстоятельство, что Крым-Гирей умер от яда, которым был отравлен вследствие происков врагов и главным образом, как намекает барон Тотт, великого визиря. Эта подробность бросает еще один штрих на внутреннюю организацию турецкой империи в ту пору.

Вот те данные, которые можно извлечь из рассказа барона Тотта о татарском набеге 1769 г., разорившем северную часть нынешней Новороссии.

Но в тех-же мемуарах мы находим некоторые сведения и о новороссийском юге, именно о губернии таврической и южных полосах херсонской и бессарабской.

На пути своем из Франции в Крым барону Тотту пришлось проезжать по этой окраине. Путь его лежал через Польшу, турецкия владения, затем (из Молдавии) в Бессарабию и южными степями до Перекопского перешейка, откуда начинались уже главные владения крымского хана, собственно Крым. После главных остановок своих, в г. Хотине, на польско-турецкой границе в г. Яссах, в Молдавии (границей между Молдавией и хотинским пашалыком служила р. Прут) и в г. Кишиневе, барон Тотт прибыл в Кишлу, резиденцию бессарабского султана-сера-скира. Вся страна от границ Молдавии до г. Таганрога, занятая землями бессарабской, едисанской, джамбуйлуцкой и едичкульской орд, вместе с Кубанью, частью Черкешины и крымским полуостровом, носила название Малой Татarii.

Население Бессарабии или Буджака, подобно крымским татарам, вело жизнь оседлую, имело свои деревни. Султан-сераскир управлял этой татарской провинцией в качестве ханского наместника. С большой свитой мирз, хорошо вооружившись и запасшись провизией, он предпринимал частыя охотничьи экскурсии, которые нередко, вместо охоты на зайцев и на дичь, обращались в более серьезные экспедиции военного характера.

Р. Днестр служила границей между Бессарабией и степями едисанской орды. Ногайцы, входившие в состав 3-х больших орд: едисанской, джамбуйлуцкой и едикульской вели кочевой образ жизни, хотя кочевья их были довольно точно фиксированы. Они располагались обыкновенно в речных долинах. Барон Тотт описывает такие кочевые лагеря едисанских ногайцев: небольшие долины около 30 м. в длину и ? м. ширины прорезывают степи с севера на юг по течению рукавов и речек, которые текут на дне этих глубоких долин и оканчиваются на юге, у берега Черного моря, небольшими озерами или лиманами. В этих речных долинах ногайцы раскидывали свои палатки и тут-же устраивали зимние загоны для скота. Кругом, сколько глаз захватит, стлалась безбрежная степь и на краю горизонта будто сливалась с небесным сводом правильным кругом. Аист или другая птица изредка проносились в воздухе. Восходящее солнце вставало будто из-за моря. Там и сям по степи возвышались высокие курганы. Барон Тотт сравнивает их с подобными-же курганами Фландрии, Брабанта и Фракии и делает предположение, что это не могильные холмы, а просто земляные насыпи, которые устраивались войсками для обозначения пути во время военных походов. Обычай устраивать такие

насыпи во время похода существуете и теперь у турок и, быть может, на подобныя-же земляныя работы указывает и Ксенофонт в «Отступлении десяти тысяч».

В этой степи, верхом на лошади, ногаец проводил всю свою жизнь, занимаясь то набегами, то охотой или несложным домашним хозяйством. Ногайцы обрабатывали часть степи и на полях сеяли преимущественно просо; но главным богатством ногайских орд был скот: овцы обыкновенно держались близ кочевья, а лошади, быки и верблюды пускались на волю в степь, где и пропадали целое лето. Каждый хозяин выжигал свою метку на каждом животном. Позднею осенью ногайцы пускались на поиски за стадами и рассеивались в одиночку по степи; встречая пасущийся скот, ногаец запоминал метки и съехавшись случайно в пути, хозяева передавали друг другу указания, в каком направлении может каждый из них найти свои стада.

Зоркий глаз ногайцев позволял им различать друг друга на далеком расстоянии, когда только головы их, как черныя точки, показывались на горизонте. Лошадей ловили они арканами; лошадиное мясо служило им нищей и они спешили убить изды-хающую лошадь, чтоб съесть ее.

Кумыс и просяной хлеб служили тоже обычной пищею ногайцам.

На поля и степи ногайския нередко налетали целыя мириады саранчи, которая, темной тучею застилая солнце, опускалась на землю и истребляла до тла всю растительность. Ея налеты были опустошительнее пожаров. Часть хлеба, шерсть и плохо выделанныя кожи составляли предмет торговли ногайцев и находили сбыт в Балте и пограничных турецких рынках. Деньги полученные ногайцами (золотые дукаты венецианские и генуэзские) закапывались ими в землю, по свидетельству барона Тотта, так как вследствие простоты жизни ногайцев деньги не находили у них употребления.

На всем этом вольном пространстве степей, как два сто-рожа, стояли сильныя турецкия крепости: Очаков и Перекоп. Б. Тотт так описывает: Очаков «эта крепость, расположенная на правом берегу р. Днепра; близ его устья, устроена на небольшом откосе. Ров и крытая дорога—единственный ея укрепления: крепость имеет вид удлиненнаго параллелограма и здесь также, как в Бендерах и Хотине, есть многочисленная артиллерия; но пушки плохи: каждая из них установлена между двумя габионами, образующими род амбразуры». Евреи, живущие в предместьи Очакова, держат там постоянный двор. «Днепр при устье образует лиман, окаймленный с юго-востока низменной песчаной косой, носящей название Кинбурнской. Здесь против Очакова устроено другое укрепление. Плоскодонныя лодки служат средством сообщения между обоими берегами.

Из Очакова барон Тотт переправился через Днепр в Кинбурн и затем ехал Джамбуйлуцкими степями вдоль побе-режья Чернаго моря; до перекопской крепости: шум морских волн, разбивавшихся о берег, явственно слышался и нарушал однообразие этих пустынных степных равнин.

Перекопския укрепления устроены были в самом узком месте перешейка и, упираясь с обеих сторон в морской берег, занимали пространство около 7 миль. На севере находился ров; через него плохой деревянный мост вел к воротам под сводом. Каждый вечер привратник запирает эти ворота на ключ, преграждая таким образом и проход и проезд на полуостров. У северной линии укреплений, близ этих ворот, расположилась плохенькая деревня, жители которой занимались торговлей с русскими купцами и промышленниками. Перекопская крепость была прочна и имела величественный вид: искусство и природа как-бы помогли друг другу в этом деле. Окопы, прерванные в нескольких местах редутами, укрепленные пуш-ками и снабженные гранатами, могли-бы, по словам барона Тотта, противостоять стотысячной армии. Русския войска в войны 1736 и 1769 г. г. проникали в Крым не через перешеек, а с востока, со стороны узкой косы, которая тянется параллельно восточному берегу Крыма и отделяет Сиваш от Азовскаго моря. Неизвестно, когда были устроены перекопския укрепления; барон Тотт склонен думать, что работы эти предшествовали поселению здесь татар, или-же предки нынешних татар были культурнее своих потомков. Во время пребывания в Перекопской крепости барон Тотт встретил там целую колонию австрийских немцев из 7 мужчин 5 женщин и 4 детей. Они оставили родину, отпра-вившись искать счастья в Россию, но здесь им так не повезло, что они бежали. Не зная дороги, они попали в ногайския степи. Барон Тотт забрал колонистов с собою и пристроил их в Крыму.—На север крымскаго полуострова, близ Перекопскаго перешейка, находится ряд солончаков и соляных озер. Барон Тотт говорит, что они были отданы в аренду армянам и евреям, которые вели

здесь торговлю. Добывание соли и торговля ею велись на самых элементарных основаниях. Уменья экономизировать добытую соль, устроить склады ея, предохранить от случайностей, в виде дождей и т. п.,—ничего этого не было. Условия торговли были таковы: покупатель и продавец уговаривались только на счет цены за воз соли и на счет числа волов, которые будут запряжены в этот воз. Затем покупатель сам добывал соль, нагружал свой воз и отправлялся в путь. Гарантия от обмана заключалась в следующем условии: если воз сломится под тяжестью соли, не достигши раньше означенного пункта, покупатель должен возратить соль торговцу. Белая до-рожка от сыпавшейся с возов соли ясно указывала путь, по которому двигались «валки» из Крыма на север в южно-русския степи.

Мы не будем останавливаться на топографическом описании Крымскаго полуострова и на соображениях, который высказывает барон Тотт относительно происхождения цепи южных гор, влияния моря на очертания берегов и т. п.; отметим только, что барон Тотт указывает везде на благоприятныя условия при-роды и сравнительно малую культуру: он говорит о плодородии почвы и о дурной ея обработке, об удобных условиях для развития виноделия и плохом уходе за виноградниками и т. п.

Не станем распространяться и об административном устройстве татарских земель, основныя черты котораго были нами ука-заны раньше. Остается только обратить внимание на те населен-ные пункты, которые называет барон Тотт, на некоторыя черты политической истории Крыма, отмеченныя им, и бросить беглый взгляд на общественный строй и экономическое положение собст-венно крымских татар. Крымский полуостров издавна служил приманкой для различных народностей и долго был предметом завладений и споров. В нем постепенно сменялись периоды византийскаго, готскаго, генуэзскаго владычества, оставляя каждый свои следы. Генуэзцы распространили свои владения до пределов Херсонеса Таврическаго. Памятниками долгаго и жестокаго господ-ства генуэзцев в Крыму, по предположению барона Тотта, являются развалины укрепленных замков на вершинах скал; из этих замков не редко ведут подземные ходы, сообщающиеся иногда с какими-то пещерами; в одной из таких пещер най-дено было множество человеческих костей. Впрочем, в пользу своего предположения о генуэзском происхождении замков этих, барон Тотт не приводит убедительных доказательств. Большо́й город Кафа (нынешняя Феодосия) и ничтожный по значению в XVIII веке г. Балаклава были, по словам барона Тотта, некогда главными пунктами генуэзской торговли. Балаклавский порт, лежащий при удобном заливе, окруженный лесами, дающими материал для судостроения, к тому-же первый порт со стороны Фракийскаго Босфора, имел несомненное значение в более ран-нее время, о чем свидетельствуют древния развалины вблизи него. Кроме этих двух пунктов, в числе значительных городов, барон Тотт называет Бахчисарай, столицу хана, Гуцлов (нын. Евпатория), неправильно переделанный русскими в Козлов¹⁰, и Ахмечеть (нын. Симферополь), резиденцию ками-султана. Как сказано раньше, генуэзское владычество в Крыму сменилось турецким.

Крымские татары вели оседлую жизнь, начало феодализма про-никало весь их общественный строй; знатные мирзы, получавшие земли в ленное владение, были вассалами хана. Пять знатных древних фамилий, ведших свой род, по преданно от сподвижников Чингиз-хана, составляли высшую аристократию страны, строго отличавшуюся от новопожалованных вассалов. Каждая из этих фамилий (мирзы ширинские, мансурские, седжукские, аргинские и барунские) имела своего представителя или бея; все но-вые, низшие мирзы имели вместе одного бея и эти шесть беев составляли вместе с ханом верховный совет. Ширинский бей считался постоянным представителем остальных в то время, когда совет не собирался, и пользовался большим значением.

Земли делились в Крыму на ленныя владения, крестьянския и ханския. Последния были свободны от всяких повинностей, вассальныя обложены были известной податью; эти доходы собира-лись в казну и из них выдавались ханом награды мирзам. О положении крестьянскаго населения барон Тотт замечает только, что владелец-мирза пользовался в районе своего лена правом наследства крестьянских земель, в случае отсутствия наследников по 7-й степени родства; тем-же правом пользовался хан относительно своих вассалов.

Ногайцы, у которых не было такого правильнаго распределения земель, были обложены десятинной повинностью с добываемых продуктов, которую они платили сераскир-султанам.

Таков был в общих чертах быт народов, населявших новороссийския степи. Кажется, мы исчерпали все, что дают ме-муары барона Тотта относительно нынешняго новороссийскаго края,— губерний херсонской и отчасти бессарабской.

С. Е.

---

1 История «Новой Сечи». Скальковского.

2 Надхин «Память о Запорожье».

3 Тимариотами называются владельцы турецких ленов, обязанные воинской повинностью; тимары или ленныя земли даются преимущественно сипаям, которые составляют турецкую кавалерию.

4 Род турецкаго войска; это волонтеры, девиз которых «победить или умереть на поле битвы»; но с ними никогда не случается ни то, ни другое.

5 Этот день стоил армии более 3,000 людей 30,000 лошадей, погибших от холода.

6 У турок в обычай приносить отрезанныя головы врагов своему повелителю; татары, напротив, питают отвращение к этому обычаю.

7 «История Новой Сечи» Скальковского, ч. III-я.

8 «История Новой Сечи» Скальковского, ч. III-я.

9 Ист. России» Соловьева, т. XXVIII-й. Игнатий Некрасов; Игнат козаки—так называемые Некрасовцы.

10 Гуцлов значит тысяча глаз; получил это название оттого, что лежа на плоской низменной равнине, освещенный огнями, он вечером представляет эффектное зрелище.